

Текст и дискурс в славяноязычной коммуникации

Сказать о Несказанном: язык пророческих текстов в русской старческой традиции

Г. И. Берестнев

Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Калининград, Россия)

Текст, пророчество, категоризация, символ, время

Summary. The obtained results of the research enable us to speak of some deeper features of the language of prophecies in a broader sense. The distinguishing feature of this language its orientation towards «the other reality» associated with the future, which is irrational from the point of view of common linguistic awareness of an individual and lies beyond his / her everyday comprehension. The orientations towards the future can be perceived only in its isolated components. In this relation the categorical specificity of the language of prophecies can broadly be defined as transcendence to natural language. The thing is that the language of prophecies comprises units which logically, functionally and symbolically are broader than the categories of the natural language. The described intuitive specificity of linguistic units of the prophecies is also characteristic of symbols, which play an important role in representation of global religious and mythological meanings in culture in general.

Пророческие тексты — это тексты, в которых формулируются знания лица относительно событий будущего или происходящих одновременно с актом пророчества, но недоступных непосредственному восприятию говорящего. Пророческие тексты обнаруживают несколько проблемных аспектов.

Во-первых, это их типологизация. С точки зрения кодовых средств пророческие тексты исходно делятся на два пересекающихся класса — **вербальные** (их содержание описывается средствами естественного языка) и **невербальные** (представленные иными знаковыми средствами). Далее в невербальных пророчествах можно выделить условно три разновидности в зависимости от характера знаковости — «событийные», «предметные», «пророчества-действия». Все три разновидности невербальных пророчеств составляют яркую принадлежность русской старческой православной традиции.

С точки зрения коммуникативной организации в пророческих текстах определяются три разновидности, отвечающие присущим данной культурной и религиозной традиции отношениям между Божеством и человеком. Во-первых, монологический тип, отражающий односторонние отношения между Богом и человеком (Ветхозаветная традиция). Человек должен внимать тому, что Господь сообщает ему через пророка, и исполнять посылаемые ему указания. Во-вторых, диалогический тип, в котором обозначились двусторонние отношения между человеком и Божеством (античная традиция). Подобный диалог иногда преобразовывался в «трилог»: в общение Божества и человека иногда вмешивалась пифия, которая формулировала сообщения уже от своего собственного имени. В-третьих, здесь определяется особый диалогический тип, отчетливо характерный для русской старческой традиции. В текстах такого рода старец формулирует пророчество от своего имени, но делает это силой благодати, которую посылает ему Господь.

Второй важный проблемный аспект пророческих текстов составляет их семантика. Она принципиально ориентирована на референтную сферу и фиксирует события внеязыковой действительности. При этом пророческие тексты обнаруживают неоднородность в знаковом отношении. Они могут включать в свой состав единицы, в логическом и функционально-знаковом отношениях более общие, более широкие, нежели слова и категории естественного языка. Именно поэтому с точки зрения человека и его языкового сознания пророческие тексты на естественном языке могут вести к ошибкам в обозначении референтных сфер. Внешне это выглядит как референтные сдвиги, наблюдаемые в семантике пророчеств. Также пророчества в особой мере образны. Ключевые образные фигуры пророчеств фактически сближаются с символами.

Когнитивные основания структурных и семантических особенностей языка пророчеств таковы: 1) реконструированные состояния языка пророчеств имеют глубинный характер по отношению к естественному языку; 2) язык пророчеств в

некоторых своих аспектах строится по особым грамматическим и логическим законам; 3) глубинность реконструированных состояний языка пророчеств не осознается адресатом и связана с его бессознательным; 4) язык пророчеств с точки зрения носителя естественного языка имеет особое семантическое устройство. Основную черту в этом плане составляет большая масштабность смыслов по сравнению с обычными языковыми содержаниями и апелляция к образу.

Третий проблемный аспект пророческих текстов проявляется в их типологических связях с культурой, в которой они функционируют. Так, основное внешнее различие между античными оракулами и пророчествами в русском православии лежит в сфере их институциональности. В то время как изречение оракулов достаточно строго регламентировались в пространстве и времени и осуществлялось официально установленными жрицами (пифиями), православные пророчества имели спонтанный характер, не зависели ни от места, ни от календаря и изрекались людьми, имевшими особый духовный статус, — старцами и юродивыми. Что касается внутренних характеристик античных оракулов и православных пророчеств, отражающих их когнитивную природу, то они проявляются в особенностях их языка. Наиболее яркую их черту в этом плане составляет референтная неопределенность, которая обеспечивается, прежде всего, метафорическим или метонимическим употреблением некоторых слов в их составе, прагматическим расширением их семантики. Вместе с тем типологически значимыми для русской православной традиции являются предметные метафоры и метафорические действия, в то время как для античной традиции такой характер имеют сдвиги, обеспечивающиеся функционально-знаковым потенциалом лексем.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о некоторых глубинных свойствах языка пророчеств в самом широком плане. Важнейшую его черту составляет ориентированность на «иную действительность» будущего, иррациональную с точки зрения обычного языкового сознания человека, находящуюся за пределами его бытового понимания и постигаемую лишь в отдельных ее составляющих. Событийная инаковость будущего предполагает, что описывающий эти события язык также должен быть «иным» по отношению к естественному языку в его категориальном строе. В связи с этим категориальную специфику языка пророчеств в общем плане можно определить как трансцендентность естественному языку. Речь идет о том, что язык пророчеств включает в свой состав единицы, в логическом и функционально-знаковом отношении более широкие, нежели категории естественного языка.

Отмеченная содержательная специфика единиц языка пророчеств характерна также для символов, играющих важную роль в репрезентации глобальных религиозных и мифологических содержаний в культуре в целом. Этим обстоятельством дополнительно демонстрируется глубинная познавательная природа пророческих текстов.

Особенности реализации нечетких определителей в нормативном тексте¹

Н. Н. Голубь

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Нечеткий определитель, интерпретация, корреляция, классификация, сочетаемость, деловой дискурс

Summary. Fuzzy qualifiers are lexical units with variable semantics that are setting ambiguity in the interpretation of the score and framework of any objects, processes and conditions. On the basis of the material, representing different types of business documents, a classification of fuzzy qualifiers has been worked out. Basing on the proposed classification, we intend to discuss the results of the study aimed at registering and describing fuzzy qualifiers occurring in business discourse.

«Нечеткий определитель» («неточный определитель», «нечеткий множитель», «нечеткое определение», «нечеткое множество») — термин, первоначально возникший в сфере математики и мягких вычислений, но со временем прочно закрепившийся и в лингвистике. В языке под этим термином целесообразно понимать переменные, имеющие вариативное толкование объема и рамок каких-либо предметов, процессов, условий (*куча дел, толпа народу, пара-тройка книг, погодите минуточку, при известных условиях* и т. п.). Нечеткие определители являются узальными, активно используемыми лексемами и фраземами. Размытость, точнее сказать — нечеткость, семантики таких единиц не является следствием коммуникативной неудачи или особенностей контекста. Основная функция нечетких определителей в языке — служить информационными компрессорами, позволяющими говорящему в целях экономии речевых усилий ввести в свою речь большой блок информации, не детализируя ее. Побочным, но при этом неизбежным и системно обусловленным свойством нечетких определителей является свойство интерпретативного дестабилизатора, формирующего потенциал неединственности интерпретации высказывания.

Явление двоякой трактовки широко распространено в деловом дискурсе, особенно в текстах коммерческих договоров, и зачастую формирует предпосылки для конфликтных ситуаций. Неединственность (множественность) интерпретаций обуславливается, по нашему мнению, несколькими факторами. Первый фактор — несовпадение квалификации сторон. Стороны договора, составитель и интерпретатор, могут быть людьми с разным профессиональным образованием, разной степенью владения правовой, экономической терминологией. Вторым важным фактором, обуславливающим неединственность интерпретации текста коммерческого договора, является различная коммуникативная компетентность сторон, способность ставить и решать коммуникативные задачи, формулировать и воспринимать сложные высказывания, крупные тексты. Наконец, третьим фактором является особенность самого языка, заключающаяся в наличии в нем (языке) нечетких определителей, что укладывается в представление о языке в аспекте антиномии «узуз — возможности языковой системы».

Правила дорожного движения (ПДД), заключенные в письменной монологической форме, относятся к письменному официально-деловому дискурсу. Продуцирование и восприятие письменного дискурса происходит одновременно и, соответственно, нет непосредственного контакта между реципиентом и продуцентом, следовательно, нет вовлеченности сторон в коммуникативную ситуацию. Для данного типа дискурса характерен также исключительно визуальный способ восприятия.

Такая диалектика предельной ясности и неопределенности, характеризующая деловой текст, становится сегодня предметом особого исследования. В деловом общении ясность дискурса достигается благодаря клишированным (трафаретным) средствам общения, а также прецедентным юридическим и специальным (производственным, коммерческим, дипломатическим и др.) текстам. Нередко такого рода элементы вводятся в текст в качестве нечетких определителей.

По результатам исследования различных жанров деловых документов, нами была разработана классификация нечетких определителей:

Классификационная модель нечетких определителей

I. По степени точности передаваемого понятия:

- 1) Нечеткий определитель с относительно ограниченным объемом интерпретаций: *в соответствии с действующим законодательством РФ;*
- 2) Нечеткий определитель с неограниченным объемом интерпретаций: *или в условиях недостаточной видимости; в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного).*

II. По типу герменевтической опоры:

- 1) Нечеткий определитель с внутритекстовой ссылкой: *в соответствии с разделом 21 Правил;*
- 2) Нечеткий определитель с внешней текстовой ссылкой: *в случаях, предусмотренных частью 1 статьи 27.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях;*
- 3) Нечеткий определитель с отсылкой к внетекстовому пространству: *при наличии технических возможностей, при подходящих погодных условиях.*

Опираясь на предложенную классификацию, мы намерены описать результаты исследования, проведенного с целью нахождения и описания нечетких множителей в тексте ПДД. В качестве материала выступили Правила Дорожного Движения РФ с последними изменениями от 20 ноября 2010 года.

В ходе исследования установлено, что в основном тексте ПДД доминировали нечеткие определители с относительно ограниченным объемом интерпретации (по классификации 1), с внутритекстовой отсылкой (по классификации 2): *...могут отступать от требований дорожных знаков (кросме знаков 2.2, 2.4-2.6, 3.11-3.14, 3.17.2, 3.20), а также пунктов 9.4-9.8 и 16.1 настоящих Правил, ...осуществляется в соответствии с пунктом 12.1 Правил, ...за исключением случаев, оговоренных в пунктах 12.1, 24.2 Правил.* Язык деловой переписки не приемлет наличие широких отступлений, пояснений. Вследствие этой тенденции к лаконичности передаваемой информации перед составителем стоит задача наиболее кратким образом передать суть документа. Зачастую это заканчивается тем, что в тексте преобладают клишированные фразы и все возможные сжатия понятий, полный объем которых вынужден восстанавливать реципиент. Некоторые случаи были следствием плохой коммуникативной компетентностью сторон. Зачастую составители документов не задумываются, насколько понятным будет их текст. Основная ответственность за интерпретацию ложится на читателя.

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что феномен нечетких определителей свойственен нормативным актам. Следовательно, разрушается регулятивная функция текста, по мнению О. П. Сологуб, одна из центральных для официально-делового дискурса и коммуникации. Есть основания полагать, что интерпретативная способность текста зависит скорее не от количества, а качества (определенной модели) присутствующих множителей.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 113400324а2).

Прецедентные имена русского фольклора в языковом сознании русских второй половины XX века (по произведениям «писателей-деревенщиков»)

Л. И. Зубкова

АОНО ВПО «Институт менеджмента, маркетинга и финансов» (Воронеж, Россия)

Прецедентное фольклорное имя, референт, коннотация

Summary. The paper considers precedential proper names from Russian folk texts kept in the national memory of the Russian people in the second half of the XX century. It reveals specific features of their connotation and its effect on the formation of national views and values.

Прецедентные имена фольклорных образов представляют собой особую группу, связанную с коллективными инвариантными представлениями национально-детерминированного характера. Анализ произведений Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и Василия Шукшина позволил выявить 9 прецедентных имён фольклора, денотаты которых можно разделить на два вида: фантастические фольклорные образы (*Кащей Бессмертный*) и человеческие (*Иван-царевич*, *Иванушка-дурачок*, *Василиса Прекрасная*, *Василиса Премудрая*, *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич*, *Алёша Попович*, *Микула Селянинович*). Эти образы подаются как реальные существа, комбинирующие черты материального мира. Прецедентные имена фольклора живы в народной памяти, инвариант восприятия многих фольклорных имён положен в основу сравнения, о чём свидетельствуют следующие примеры: *Передо мной появился человек, на Кащея Бессмертного похожий, ведёт он на поводу хромую лошадь и сам хромает* (В. Астафьев. Запах леса); — *Рассказывали мне как-то, крестьянин один у них был, ещё до революции, сорок лет болото осушал. — Сорок? Сорок лет болото осушал? — Сорок. Прямо какой-то Микула Селянинович!* (Ф. Абрамов. Сказание о великом коммунаре).

Для русского человека с детства знакомы имена богатырей русских былин *Илья Муромца*, *Добрыни Никитича*, *Алёши Поповича*, они входят в фоновые знания носителя русского языка, что нашло отражение в следующем отрывке: — *А что, пожалуй, что и так. Не сама же Россия распахивалась. Кто-то её расчищал от лесов, от дебрей. В старину, сказывают, не то что у нас на Севере, под Киевом леса непроходимые были. Илья-то Муромец там Соловья-разбойника словил. Так ведь, Евлампий Егорович?* (Ф. Абрамов. Дела российские...); — *Трое на одного! Да ещё на хромого! Былинные храбрецы! Илья Муромец, Микула Селянинович да Алёша Попович* (В. Астафьев. Печальный детектив).

Имена фольклорных образов (людей) связаны с обыденной картиной мира, отражающей текущий опыт людей и знания, накопленные и сохранённые в прошлые исторические эпохи. Так, в русских народных сказках имя *Иван* несёт не только речевую, но и «энциклопедическую» информацию. Как любое имя-символ, оно обросло устойчиво закреплёнными коннотациями, может иметь несколько значений, т. к. объём значения расширяется за счет актуализации образов, связанных с этим именем. А с именем *Иван* в русском национальном сознании связаны образы и *Ивана-царевича*, и *Ивана — крестьянского сына*, и *Иванушка-дурачка*. Сказочный *Иван* — это всегда определенный тип героя, обладающий рядом обязательных черт. Социальное наследование стереотипизированных представлений об образе с позиции обыденного сознания является решающим фактором в воспроизводстве речевого общения носителей языка. Смысловая доминанта образа определяется характеристическими признаками, зафиксированными в общественном сознании. Коннотативный образ-символ ассоциируется с признаком, выступающим в качестве эталона для выражения соответствующей характеристики. Например, в следующем примере инвариант имени *Иван* включает положительную коннотацию: *Это я, упрямый, чалдон, фээзошник — уркаган, рванул к тётке в гости. Напере-*

кор стихиям. Молодецкой грудью на преграды. Непобедимый! Герой! Иван-царевич! (В. Астафьев. Где-то гремит война).

Образ *Иванушка-дурачка* перешёл в символ, стал олицетворением лени, нерасторопности в национальном сознании, что нашло отражение в следующем отрывке: — *Стоит Панька на насыпи, как Иванушко-дурачок стоит. Кругом темень собирается, солнце уже село, вода внизу ярится (вышла река из берегов!) — взрослому не по себе. А он стоит, как к земле прилип* (Ф. Абрамов. Пролетали лебеди).

Отмечается и отрицательная оценка имени *Иван*: *Иванов-то нынче осталось — ты да Ваня-дурачок в сказке. Умру — не дам Ванькой назвать! Сам как Ваня-дурачок...* (В. Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов).

Таким образом, прецедентные имена фольклора, выделенные у Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина, входят в художественно-образный мир русского человека, формируют его культурное национальное самосознание и используются как материал для сравнений и аналогий. Прецедентное фольклорное имя известно всем носителям языка вне определенной ситуации, оно входит в фоновые знания носителей языка и культуры, является средством языковой и культурной преемственности, оно воспроизводится в процессе коммуникации, а не создается заново, поскольку связано с определенным референтом, его дифференциальными признаками, с определенным текстом или ситуацией, обуславливающими известность его носителю. Однако прецедентное фольклорное имя приложимо не к прототипу, своему первоначальному референту, а к носителю аналогичных качеств (или качества), которому нужно дать аналогичную оценку, сложившуюся у представителей данной культурно-языковой общности, т. е. свернутая культурная информация прецедентного имени функционирует в отвлечении от референта имени. Прецедентное имя, проходя путь от первичного референтного значения к моменту, когда в его смысловой структуре возникают коннотативные компоненты, увеличивает свою коннотативную наполненность благодаря расширению речевых контекстов. Обобщенный образ, выбранный для презентации дифференциального признака, опирается на национальные ориентиры восприятия действительности и предопределяется сложившейся в сознании носителей языка оценкой. Оценочные и эмоциональные коннотации прецедентного фольклорного имени, являющиеся результатом соотношения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями носителей национального языка и национальной культуры, оказывают влияние на популярность этого имени, на формирование взглядов общества и на национальную картину мира в целом. Социальное наследование стереотипизированных представлений об образе с позиции обыденного сознания является решающим фактором в воспроизводстве речевого общения носителей языка. Поскольку семантика прецедентного фольклорного имени включает весьма устойчивый объём национально-культурных коннотаций, как положительных, так и отрицательных, прецедентные имена фольклора оказывают влияние на развитие коннотативных возможностей всего фонда личных имён собственных русского языка.

Пауза как смыслопорождающий компонент драматургического текста А. П. Чехова

М. Л. Ковшова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Ремарка, пауза, молчание, концепт, непонимание, ключевой смысл, текст

Summary. The principal attention in the paper is given to the analysis of the remark “pause” to its ability to play the role of conceptual signs “misunderstanding” by Chekhov’s drama.

Молчание — переживаемое понятие в русской культуре. Молчанию как компоненту речевой коммуникации и самим «словам молчания»: *молчать, безмолвствовать, не говорить, молчок, молчалник, безгласный, немота, играть в молчанку, держать паузу* и др. свойственно глубокое прочтение [Арутюнова 2000]; [Эпштейн 2006]; [Ковшова 2012]. Столь же содержательными являются «ремарки молчания»: *пауза, молчание, короткое молчание, недолгое молчание, помолчав, тишина* и др.

Размышляя о роли данных ремарок и их постановке в театральном действе, К. С. Станиславский отмечал, что даже за многоточием в драматургическом тексте стоят «еле заметные паузы, которыми достигается точная передача смысла фразы, а также определенная эмоциональная окраска ее. В совершенном произведении драматурга каждое слово, каждая буква, каждый знак препинания служат для передачи внутренней сущности» [Станиславский 1982: 217].

Ремарка *молчание* и ее варианты, возникшие в русской драматургии в начале XIX в. и прочно обосновавшиеся в пьесах Н. В. Гоголя и А. Н. Островского, постепенно уступили место ремарке *пауза*, которая первоначально обозначала короткий перерыв в речи или сценическом действии [Зорин 2007]. Вытеснив ремарку *молчание* (и ее варианты) в так называемую «зону длительности», ремарка *пауза* вскоре вобрала в свою семантику все многообразие русского молчания, все его культурные смыслы.

Пауза в драматургии является важнейшим компонентом постановки, служащим для выражения невыразимого, для того, чтобы, как писал Б. А. Ларин, автор мог «в паузные моменты драмы выгнать из-за кулис и крикнуть что-то читателю» [Ларин 1974: 190]. В драматургии А. П. Чехова ремарка *пауза* длительна и содержательна, более того — она занимает значимое место в текстовом пространстве его пьес. Так, в пьесе «Иванов» ремарка *пауза* дана 24 раза, в «Трех сестрах» — 59 раз, в неоконченной пьесе под условным названием «Безотцовщина» — 124 раза. Это помимо того бесконечного многоточия, которое сопровождает почти каждое высказывание почти каждого героя или героини драм Чехова.

Представляется, что пауза у Чехова является основным экспликативом того, что лежит в основе конфликта в чеховских драмах, — пауза обозначает главную идею автора — непонимание людьми друг друга. Это непонимание состоит в отсутствии внимания к другому и, главное, сочувствия; именно такое непонимание обижает, травмирует, наносит вред, влечет собой конфликты; у этого вида непонимания устойчивые культурные коннотации ‘одиночество’ и ‘отчужденность’ (см. [Брагина 2011]).

Говоря о «понимаемости» и «непонимаемости» как о двух полюсах, абсолютная победа ни одного из которых невозможна, Ю. М. Лотман считал, что именно «непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность» [Лотман 2003: 121]. Герои Чехова не обретают счастья («когда тебя понимают»), и понимание как условие счастья становится их недостижимой мечтой. Идея непонимания (недопонимания) эксплицирована и в самих репликах героев, но главным образом, в ремарке *пауза* — постоянном компоненте, глубинная семантика которого порождает основной смысл, который и движет чеховский драматургический текст.

В драмах А. П. Чехова многочисленные ремарки *пауза* прочерчивают собой текстовое пространство, создавая текст-паузу, которая то и дело прерывается отдельными, брошенными и коммуникативно не поднятыми (термин В. Г. Гака) репликами или поверхностным, кажущимся диалогом. Словесное действо оказывается менее содержательным, чем действо молчаливое.

Так, в пьесе «Три сестры» Ирина и Тузенбах говорят перед дуэлью, их беседа — пауза, она идет через все действие, к ней стремятся, ее прерывают, не зная, что сказать, и с облегчением к ней возвращаются. Ср.: «Тузенбах. ... Скажи мне что-нибудь. — Пауза. Скажи мне что-нибудь... — Ирина. Что? Что?.. — Тузенбах. Скажи мне что-нибудь. — Ирина. Что? Что сказать? Что? — Тузенбах. Что-нибудь. — Ирина. Полно! Полно! — Пауза. <...> Тузенбах. Ирина! — Ирина. Что? — Тузенбах (*не зная, что сказать*). Я не пил сегодня кофе» [Чехов 1974–1982, XIII: 180–181].

Литература

- Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке: Сборник статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.
- Брагина Н. Г. Конфликт непонимания и непонимание конфликта // Конфликт в языке и коммуникации. М., 2011.
- Зорин А. Н. Пауза и молчание. Комплексное исследование драматургического приема на материале пьес Н. В. Гоголя. Саратов, 2007.
- Ковшова М. Л. Молчание и пауза у М. Булгакова // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012.
- Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Лотман Ю. М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью. СПб., 2003.
- Станиславский К. С. Об искусстве театра. М., 1982.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений: В 18 т. М., 1974–1982.
- Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М., 2006.
- Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психологии русской литературы XVIII–XIX вв. М. 1998.

Категория эмотивности в русском языке: когнитивно-прагматический аспект

С. В. Коростова

Педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Микрополя эмотивности, средства выражения эмотивности в русском языке, эмоциогенная ситуация, эмотивно-оценочный смысл художественного текста

Summary. The functional and semantic category of emotivity is defined as a communicative category of a language, an important component of its grammar because it expresses subjective meanings and relationships of speakers. The typology of the zones of emotivity is determined by the correlation of the emotional and the rational, intellectual in the semantics of language units.

Проблема функционально-семантической категории эмотивности и средств ее выражения становится особенно актуальной в последнее время: в связи с новой антропоцентрической парадигмой лингвистики, в частности, с той ее частью, которая охватывает способы выражения и обозна-

чения эмоций в современном русском языке. Духовная жизнь общества всегда находит отражение в сознании человека, затрагивая его когнитивный уровень. Процесс концептуализации эмоциональных состояний включает и индивидуальный опыт личности, и жизненный контекст в его ин-

терпретации коллективным сознанием, ведь эмоции являются составной частью культуры любого народа, а значит вербализуются в его языке.

Сфера эмоционального познается человеком через жизненный опыт, который позволяет установить логическую связь между событиями. Наш субъективный опыт — это часть оценочной системы, которая непосредственно связана с представлением о ценности, ориентированном на позитивный поведенческий стереотип. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. В каждой конкретной эмоциогенной ситуации, т. е. ситуации, вызывающей эмоциональную реакцию, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. На наш взгляд, чем выше степень истинности, достоверности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции, на которого оказывается воздействие. Условие существования эмоции — ее непреднамеренность.

Социокультурный опыт носителя языка формирует знания о сценарии коммуникативной ситуации и о стереотипе поведения собеседника. Если говорящий ожидает вполне определенный эффект от поведения адресата (в том числе и речевого), исчисляемый сценарием ситуации и знаниями о речевых стратегиях и тактиках, то эмоции могут быть вызваны неожиданным изменением сценария. Можно предположить, что эмоциональное состояние есть результат действия «эффекта обманутого ожидания». Анормативность поведения другого и, следовательно, непредсказуемость исхода ситуации каузирует вербализованную или невербализованную репрезентацию эмоционального состояния субъекта речи. Именно оценочная интерпретация событий, их идентификация как эмоциогенных в сознании говорящих создает условия для выражения эмоциональных состояний.

С точки зрения субъекта эмоционального состояния процесс вербализации эмоций не имеет своей целью коммуникацию как обмен информацией, как взаимодействие, хотя эмоциональные переживания пронизывают все стороны жизни человека, в том числе и общение. Появление и проявление интенций говорящего в процессе выражения эмоций переводит сам акт из эмоционального в коммуникативный, предполагающий воздействие на адресата, тем самым переводя его в игру, в которой нет места истинным эмоциям. Таким образом, в исследовании когнитивной стороны эмоциональных состояний и их репрезентации в дискурсе необходимо учитывать характер ситуации и позицию говорящего / мыслящего субъекта. Вербализация эмоций — это процесс, объединяющий механизмы сознания, способствующие порождению речи, и акты бессознательного, инстинктивного выражения эмоциональных переживаний.

Эмотивность как функционально-семантическая категория предполагает существование системно организованных ядерных и периферийных средств выражения, которые фор-

мируют функционально-семантическое поле. Структура поля связана с категорией эмотивности как системно-языковой и коммуникативно-прагматической, входящей в качестве компонента семантики слова, высказывания, текста и актуализирующейся в речи как субъективное отношение говорящего к объекту оценки. Структура функционально-семантического поля эмотивности определяется, на наш взгляд, его полицентричностью, предполагающей отсутствие в центре поля такой грамматической категории, которая концентрировала бы в целостной системе специализированное и регулярное выражение данной функции, т. е. функции выражения эмоций. Полицентричность эмотивности, на наш взгляд, определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального.

Первое микрополе (зона) эмотивности — **микрополе импульсивности** — актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т. е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы и фразеосхемы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения.

Микрополе **эмотивной оценочности**, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т. п.).

Микрополе **прагматической эмотивности** так же, как и поле эмотивной оценочности, может быть представлено нечленяемыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника. В названное микрополе могут входить некоторые типы коммуникем (коммуникативов), восклицательные и вопросительные предложения, энтантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы.

Актуализация представленных микрополей категории эмотивности в художественном тексте способствует выражению смысловой доминанты и ценностных установок автора. Художественный текст как художественная модель мира концентрирует в своей содержательной структуре бесчисленное множество эмотивно-оценочных смыслов, извлечение которых в процессе понимания, восприятия тесно связано с интерпретацией неоднозначных языковых элементов, в основе которой лежат знания о мире и широкий контекст коммуникации.

Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в поэзии символистов (на материале чешского и русского языков)

С. Корычанкова

Университет Масарика (Брно, Чехия)

Л. Б. Крюкова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Восприятие, символизм, синестезия, перцептивная метафора

Summary. Sensory perception, which is one of the fundamental sources of knowledge about outside world, is represented in the poetic texts written by the Symbolists by various linguistic resources. They reflect both the basic language structures and national and individual peculiarities of linguistic expressions in the context analysis.

Восприятие, рассматриваемое как универсальная категория человеческого сознания, является основным механизмом, при помощи которого осуществляется взаимодействие человека и мира. Своеобразие поэтической картины заключается, прежде всего, в избирательности видения художника. Образ мира, представленный в художественном произ-

ведении, есть не что иное, как проявление духовной активности автора.

«Проблема восприятия» является одной из центральных в художественном творчестве поэтов-символистов, принявших тезис Артура Шопенгауэра: «Мир есть мое представление». Главным в творчестве символистов была не объективная дей-

ствительность, а отношение к ней. Свойства предметов отрываются от их носителей, слова теряют основное значение и употребляются в переносном, создается возможное образование любых соответствий. Краски и звуки становятся символами, характеризующими определенные душевные состояния. Синтез, осуществляемый в художественном произведении, «должен быть оправдан не формальной логикой, а наглядностью, непосредственным восприятием, «чувственностью». В. Брюсов пишет: «Какой властью над временем обладает лирика, способная вместить мгновение в предел нескольких размерных строк, живым сохранив его, вместе с лучами, трепетавшими тогда, с ароматом, веявшим вокруг, с первым проблеском зарождающегося чувства» [Брюсов: 3].

Символизм как литературное направление (течение) оказал серьезное влияние на ход культурного развития России и Западной Европы рубежа веков. В Чехии программным заявлением символизма стал журнал «Модерни реви», основанный А. Прохазкой в 1895 году. Виднейшим представителем нового направления стал Отокар Бржезин (настоящее имя Вацлав Игнац Ебавый, 1868–1929), проделавший творческий путь от изображения пессимистических настроений под влиянием Бодлера и Шопенгауэра, к восторженному воспеванию слияния земного бытия с мистическим Небесным Царством в преображенной Вселенной. Кроме поэзии он является автором ряда философских работ (например, «Худба прамену», 1919 г.) [Březina 1919].

Тип восприятия	Отокар Бржезин	Константин Бальмонт
зрительное	<i>viděl jsem léta královská uléhat na lože purpurné nádhery; zrak ženy; s pohledy vyčítavými, toužícími; slepci osleplí mystickou vinou narození;</i>	<i>и слышал я сагу седую; мольбы цветной обедни; радость прозрачная; звездится цвет сирени; горы ласкали сияньем; тесниться тьма со всех сторон</i>
слуховое	<i>zpívají hlasy duchů; slyšíte tajemné šumění krve; hořečný hlaloh; kvilění strun; zaznění srdcí; němé jsou nivy; a smrt dokud mlčenlivá půže městy vířícími; kosmu nejvyšší souzvuk</i>	<i>гул умирающий; ветер шепчет и прячется в дальних кустах; с безмолвием вел разговор; безгласная река; завершительный ропот шуриащих листвою ветров</i>
обонятельное	<i>vonný víť; proud vonný; azurným dýmem pokrylo ostatní světy a vůněmi nás; zahrady gigantických květů voní z tvých tonů;</i>	<i>пахучесть дум, двойной расцвет; и растет дыханье аромата; льют пленительно медвяный аромат; волны благовонья; жасминный дух благоуханья; сладостно дышит прохлада</i>
осязательное	<i>a v mrazivé soumraku pohřženy; v temnotách žhavého větru; pod nebem žhnoucím bez hnutí; zrní žhavého uhlí; žhavými fermenty ohně; a loďstva mrtvých, v horká pásma plujících</i>	<i>и мир был беспределен, пронзенный блеском льдин; жгучая таинственная звезда; и холодно любить им суждено; вдыхать лобзанием горячее вино; светлопушистая снежинка</i>
вкусовое	<i>a zvířata lesní, která neokusila krve; oceány se sklánělo v žitni a pijící rozvlnilo je bouří; sladkost věčného rytmu</i>	<i>там в прямом цветенье болотные травы; сердце ранил тайною сладкою; воды горьки от горьких слез; соленый туман</i>

Перцептивные метафоры в поэтическом тексте являются одним из способов выражения категории оценочности, с их помощью описываются различные сферы жизни человека:

— эмоциональное и физическое состояние: *И в горьком сне волна волне шепнула; И блаженному сладко отдавшись бессилью...; И в сны свои светло влюбляемся...; Радости светят нам реже и реже.*

— действия физической и интеллектуальной сферы: *Мне сладко измениться — Живите для измен; Мне сладко падать с высоты; Но сладко мне забыть, что было.*

Именно в поэзии символизма зародились так называемые синестетические сочетания. Синестезия как лингвистическое средство выразительности является одной из ключевых особенностей «новой поэзии», отражающей синкретическое слияние чувств. К. Бальмонт, известный практик и теоретик синкретизма, считал, что «слово есть чудо, а в чуде волшебство все, что его составляет». Он видит, слышит и чувствует каждую букву, стремится выразить в стихотворении чувство, которое владеет им в момент написания; в другой момент, это будет уже иное чувство, а, следовательно, нужны будут и иные средства для его выражения [Блинов 1980: 121].

Синестетические сочетания в поэзии К. Бальмонта можно разделить на группы в зависимости от того, какие межсенсорные ассоциации лежат в основе метафорического переноса: зрительное — слуховое (*колокола звучат светло, липы слышат лунное сияние*); вкусовое — зрительное

Склонность к одиночеству привела поэта сначала к полному отрешению от мирской жизни и к воспеванию смерти как начала нового существования. Духовно-религиозная практика вернула его к мистическому восприятию мира и к творческой работе, основанной на признании величия возможностей человеческого духа, равенства и братства между людьми. Для поэзии чешских символистов характерно наличие большого количества образов, возникших в результате художественного переосмысления реальной действительности. Поэзия Бржезины наполнена мистико-философской символикой и сложными метафорами, основанными на богатстве выразительных средств чешского языка.

Поэтические тексты Отокара Бржезины на русский язык переводил один из ярких представителей русского символизма К. Бальмонт [Бальмонт 2003]. «Поэзия Отокара Бржезины, вся философская, вся символическая, полна духовной красоты и ведет к утверждению жизни, но она вся исполнена смертными шорохами завес предельных, и никто, быть может, не умел так жить со Смертью и с нею ласково беседовать, как этот великий подвижник, Схимник Поэзии» [Z dějin ruskoo-českých literárních vztahů... 2001: 88].

Так как базовая модель восприятия в различных культурах является универсальной [Демешкина 2006: 16], считаем возможным проведение частичного лингвистического анализа перцептивных образов в оригинальном творчестве двух поэтов:

(*сладко-печальная мгла*); обонятельное — слуховое (*солнце ароматно поет*); зрительное — тактильное (*в уме холодный свет*) и др.

В поэтических текстах Отокара Бржезина также есть примеры «наслаивания» перцептивных образов (например, слух-осязание): *Slyšíte tajemné šumění krve? Vření ve zrajícím kvasu / otamujícím? Horečný hlaloh v temnu úlů? / Bolestná zaznění srdcí, laděných věky jak struny / pro souznění hvězdáná? / Zakvílení strun příliš napjatých, přetržených? / A všemi světy letící ohnivý tón / dosaženého souzvuku grafického? (Kolozpřev srdcí, 1901)*

Несмотря на универсальность базовой модели восприятия, ее языковая репрезентация в художественном произведении отражает особенности национального и индивидуально-авторского мировосприятия. Перцептивные метафоры представляют необычайную трудность в процессе перевода художественного произведения [Демешкина 2006: 10]. Сопоставительный анализ оригинального художественного текста чешского поэта и его перевода на русский язык представителем того же самого литературного направления позволяет выявить некоторые особенности, связанные с мифологичностью, оценочностью, пространственно-временной организацией мира, произвольностью или результативностью восприятия.

Таким образом, чувственное восприятие, являясь одним из основных источников познания окружающего мира, в поэтических текстах поэтов-символистов репрезентировано

различными языковыми средствами, отражающими, с одной стороны универсальность базовой структуры, с другой, национальные и индивидуальное-авторские особенности лингвистического моделирования исследуемой ситуации.

Литература

Бальмонт К. Избранное. М., 2003.

Блинов И. И. Проблема комплексности изучения художественного творчества. Казань, 1980. С. 119–124.

Брюсов В. Я. Русские символисты. Статья четвертая «Зеленый вертоград и хоровод времен» // ModernLib.ru.

Демешкина Т. А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Томск, 2006. С. 9–17.

Březina O. Hudba pramenů. Prosy. Sv. 1. Praha, 1919.

Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a čínech / Vydání, překlad, studie, komentář Danuše Ksícové. Brno, 2001.

Смыслообразующая роль терминов в организации научного высказывания

В. А. Кузьменкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Terminology, uniqueness, accuracy, semantics, definition

Summary. In the present paper, we discuss the role of terms in scientific texts. We show the ways terminologization lexicon and term impact on the organization of a scientific discourse.

Выделение научных высказываний на фоне других является следствием двух требований, которым язык, как коммуникативная система, должен удовлетворять при производстве, фиксации и распространении знаний: максимальной однозначности высказываний и точности их. В процессе выполнения этих требований в языке науки образуется тенденция к сужению семантических полей определенных лексических единиц, к отсечению дополнительной семантики. Вместе с тем, получение логических выводов и умозаключений при помощи языка эффективно лишь в том случае, когда лексика достаточно ёмка понятийно. Результатом этих тенденций в языке является появление терминов — максимально однозначных, семантически емких языковых единиц. Эти два свойства термина, непосредственно обеспечивающие его появление и функционирование, следует рассматривать как основные. Эти же свойства обеспечивают терминам их смыслообразующую роль.

Несмотря на известное внимание к проблеме терминологии, в науке до сих пор не существует единого определения слова «термин». Исследователи неоднократно отмечали, что многочисленные термины, пронизывающие научное изложение, имеют дефиниции, а само слово «термин» дефиниции не имеет. Как справедливо заметил Г. О. Винокур, «в роли термина может выступать всякое слово... термин — это не особое слово, а только слово в особой функции, в функции наименования специального предмета или явления» [Винокур 1939: 5].

Указанные выше свойства терминов — максимальная однозначность и семантическая емкость — являются их качественными характеристиками. Однако данные свойства не являются абсолютными. Семантическая емкость меняется со временем. Не является устойчивой и однозначность термина. По мере увеличения объема научных знаний происходит уточнение некоторых терминов, их замена.

Наиболее характерными путями терминологизации лексики являются: а) сужение или полная замена семантики общеупотребительной лексики, б) использование иностранных слов, в) использование аббревиатур.

В научных текстах легко обнаружить высказывания, вводящие термин. Введение терминов происходит при помощи трех типов высказываний: а) высказывания, формирующие представление об объекте, операции, явлении или процессе; б) высказывания, содержащие относительно строгое определение термина; в) высказывания, содержащие номинацию термина на основании интуитивных или основанных на опыте представлений.

Введенный в текст термин влияет на структуру и организацию высказывания. Происходит значительное сужение множества языковых вариаций формы высказывания, которое складывается из нескольких составляющих: а) уменьшение числа лексических единиц, подверженных возможному синонимическому варьированию; б) уменьшение в связи с этим вариативности синтагм; в) уменьшение словообразовательных возможностей; г) сужение спектра допустимой нетерминологизированной лексики, вызванное в основном появлением семантики количественности в терминах.

Термины можно разделить на три больших класса в соответствии с их семантическими функциями: 1) наименование объектов, приборов и установок (*клетка, минерал, электрон, осциллограф*); 2) наименование методов исследования, теорий (*принцип Паули, метод вилки, метод штрафных функций*); 3) наименование явлений, процессов, эффектов (*спектроскопия, электромагнитная индукция*), а также наименование научных понятий, представлений (*масса, спин, странность*).

Термины разных классов обладают разной степенью влияния на окружающую лексику и на ее организацию в высказывании. В естественнонаучных текстах абсолютное большинство лексически определенных терминов доопределяется символически путем постановки в соответствие каждому термину определенной совокупности математических или графических символов, которые далее рассматриваются как необходимый элемент определения термина, обеспечивающий дальнейшую абсолютизацию его основных свойств.

Семантика количественности значительно снижает вариативность функционирования термина в научном высказывании, подчиняя себе синтаксис высказывания.

Благодаря определению, слова-термины сохраняют свою индивидуальность в высказывании. Как следствие этого, они допускают значительно более узкое лексическое окружение. Так, термины с семантикой количественности могут допускать в качестве определений преимущественно те лексические единицы, которые также содержат семантику количественности: *малый, большой, уменьшающийся, сильный, слабый* и т. п. Можно утверждать, что имеет место закон сохранения термина.

Не входят в лексическое окружение термина оценочная лексика. Например, клетка не может быть «замечательной», «превосходной» и т. п. Анализ научных высказываний показывает, что в них достаточно частотны термины с семантикой «изменение», так как в научном тексте важно отразить динамику процессов и явлений. Таковы, например, *ионизация, рекомбинация, распад*. Подобные существительные вместе с полусвязочными глаголами (*делать, совершать, производить, происходить* и др.) образуют описательные предикаты, которые также являются стилеобразующей особенностью научного стиля речи.

Следует отметить также наличие в научных высказываниях слов-показателей смысловых отношений между явлениями, понятиями. Эти слова отражают такие отношения, как «зависимость», «включение», «вхождение в состав», «отождествление», «различие», и могут быть выражены различными частями речи.

Научное высказывание часто содержит метафоры, которые являются эффективным средством познания и объяснения новых явлений.

Описание структуры научного высказывания и особой роли терминов в научном тексте имеет не только теоретическую значимость, но дает возможность учитывать основные особенности стиля изложения в преподавании русского языка иностранным учащимся.

Литература

- Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению М., 1939. С. 3–54.
- Кузьменкова В. А. Общенаучное лексическое ядро как основа обучения русскому языку специалистов естественнонаучного профи-

- ля // *Innere und äußere Faktoren einer Intensivierung der Russisch-ausbildung: Beiträge sämtlich in russischer Sprache* [7. Internationales Symposium 14. – 16. Dezember 1983] Wissenschaftliche Beiträge (Т. 64), Universität (Halle, Saale). Halle-Wittenberg, 1986.
- Лотте Д. С. Изменение значений слов как средство образования научно-технической терминологии. М., 1961.

Энциклопедия письменноречевых жанров русского языка

Н. Б. Лебедева

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Естественная письменная русская речь, жанры

Summary. The term “natural written speech” stands for naïve everyday speech, characterized by spontaneity, unprofessional performance, informal existence, relative liberty with respect to convention.

Под термином естественная письменная русская речь (ЕПРР) понимается обыденная, народная, повседневная, необработанная письменно-речевая деятельность «в ее первоизданном виде», когда «видение открывается не через язык, а через письмо, а точнее, через руку, старательно выводящую буквы в особых ритмах телесного чувства» (В. А. Подорога). Это очень широкая сфера письменно-речевой деятельности, включенная в парадигму, построенную по осям «письменная / устная речь» и «естественная / искусственная речь». Ее «соседями» по парадигме выступают три смежные речевые сферы: 1) «естественная устная речь», под которой понимается устно-разговорная деятельность и ее результат — тексты, являющиеся предметом изучения диалектологии, коллоквиалистики, науки о просторечии, теории русской разговорной речи; 2) «искусственная устная речь», то есть профессиональная и подготовленная речь, традиционно изучаемая риторикой; 3) «искусственная письменная речь» — профессионально подготовленная речевая деятельность (письменно-литературная, газетно-публицистическая, официально-деловая, рекламная и пр.), обычно исполненная в полиграфическом виде, в изучении которой имеется огромная филологическая традиция. ЕПРР — наименее изученная сфера речевой деятельности, и главное — мало осознанная как единое (при всем разнообразии) целое.

Выделены следующие признаки ЕПРР: письменная форма, отличающая его от устных вариантов речи (диалектной, просторечной и литературной устной речи), неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ осуществления письменно-речевой деятельности (кратчайшая временная дистанция между замыслом и осуществлением), непрофессиональность как способ осуществления и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста. ЕПРР характеризуется непринужденностью, непосредственностью, вписанностью в конситуацию, в психологическое и социальное бытие автора и адресата. При этом отсутствие «фильтров» (редактора, корректора, цензора, всей полиграфической «машины» и пр.) как между замыслом и его осуществлением, так и между текстом, написанным самим автором, и читателем этого текста является важнейшей характеристикой ЕПРР. Заметим, что разные виды текстов содержат те или иные признаки в разной степени проявленности, вплоть до почти полной элиминированности одного или двух, при наличии других, также в разном количественном соотношении. Кроме того, текстовое пространство естественной письменной речи в целом и одного типа текста (жанра), в частности, может представлять собой полевую структуру с ядром и периферией, соприкасаясь с другими и перетекая в них, поскольку и вообще ЕПРР находится в соприкосновении и взаимодействии с другими видами речевой деятельности.

В двух научно-исследовательских лабораториях, объектом описания которых является ЕПРР, — в Кемеровском государственном университете и Алтайской государственной педагогической академии — накоплен значительный текстовый материал, собранный студентами и сотрудниками в течение 10 лет, разработана методологическая база

жанроведческого описания в прагмалингвистическом аспекте, описаны конкретные жанры, защищены диссертации, издана монография и ряд статей. Поскольку собранный текстовый материал представляется достаточным для комплексного жанроведческого описания естественной письменной речи (хотя исчерпывающим, видимо, он не может быть в принципе), постольку научный коллектив вышеуказанных лабораторий поставил задачу начать работать над энциклопедическим словарем жанров ЕПРР. Этот проект представляет собой начало большой работы: сейчас идет, наряду с продолжающимся сбором материала, дальнейшая разработка методики представления жанров.

Представление жанров ЕПРР в энциклопедическом словаре основывается на разработанной в лабораториях поэтапной методической процедуре жанровой квалификации текстов. Она состоит из 8 этапов, включающих, в качестве центрального этапа — анализ текстов по коммуникативно-семиотической модели. Назовем эти этапы.

- 1 этап — указывается первичная дефиниция жанра по данным словарей. Если таковой нет (что случается нередко), то авторы создаваемой соответствующей статьи энциклопедического словаря обращаются к показаниям информантов либо опираются на исследовательскую интуицию. Этот этап позволяет очертить предметную сферу исследования.
- 2 этап — определение выделенности и устойчивости данного типа текста в речевой действительности, отражающей жанровое языковое сознание носителей русского языка.
- 3 этап — анализ текста по коммуникативно-семиотической модели, разработанной специально для описания текстов ЕПРР, позволяющий выделить набор характерных признаков каждого жанра. Далее идет «работа» с этими признаками.
- 4 этап — моделирование доминантно-детерминантных цепочек выделенных признаков для выявления причинно-следственных отношений между ними и определения доминант каждого жанра.
- 5 этап — выявление жанрово-релевантных и жанрово-нерелевантных признаков, среди последних — частотные и редкие.
- 6 этап — разработка внутрижанровой структуры, для чего моделируется иерархическая структура жанра, выделяются жанровые варианты и вариации.
- 7 этап — определение внешних границ жанра, поиск места данного жанра в жанровом пространстве, в кругу смежных явлений.
- 8 этап — окончательный, он состоит в конструировании расширенной, многоаспектной дефиниции исследуемого жанра, включающей все характеристики, выделенные методом поэтапной процедуры жанровой квалификации текстов ЕПРР. Результат этого этапа «перекликается» с первичной дефиницией, представленной на 1 этапе, таким образом получается кольцевая модель производимых действий.

Применение этой процедуры к текстам ЕПРР, как представляется, позволит определить жанровую квалификацию разнородных текстов и лечь в основу энциклопедического словаря жанров ЕПРР.

Украинские книги в России XVII века

Е. Матушек

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Харьков, Украина)

Теория двух мечей, имперский дискурс, интерпретация, рецепция, текстопорождающая модель, мифологизация

Summary. In this paper the author investigates the perception of the book “Mech dukhovny” (1666) of Chernigov’s archbishop Lazar Baranovyc in the Russian society of the second half of the XVII century — the beginning of the XVIII. century. The opinions of the readers were separated by the head of the prescription: secular power was higher than spiritual one.

Проблема, вынесенная в заглавие, будет рассмотрена на примере влияния на становление российского имперского дискурса книги «Меч духовный» украинского автора XVII в. архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича.

Конфликт между светской и духовной властью за главенствующую позицию в обществе еще в латинском средневековье оформился в теорию «двух мечей». В России он обостряется во второй половине XVII века между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Посвятив свою книгу «Меч духовный» (1666) царю, Лазарь символически отдает ему всю полноту власти.

Лазарь Баранович выстроил и концепцию власти, и художественный мир своей книги с помощью западных текстопорождающих моделей. Первое предисловие последовательно моделирует образ идеального царя, имея в виду Алексея Михайловича. Он — эксплицированный адресат. В предисловии нет прямого противопоставления царя и патриарха. Но если посмотреть на основные аргументы текста, то станет понятно, что это «перевернутые доводы» царского оппонента. Патриарх Никон посвятил проблеме двух властей книгу под названием «Возражения или разорения смиренного Никона». Основными тезисами автора были: священство выше царства, священство — от самого Бога, царь ограбил церковь.

Как раз патриарх Никон и стал одним из первых читателей «Меча духовного», экземпляр которого он получил сразу после приезда Барановича в Москву. Патриархом был написан критический ответ — «Свиток». В нем Никон обвинил автора в латинской ереси, перечислил мелкие недочеты в книге, дал замечания по поводу ее внешнего вида, выразил недовольство за частое цитирование католических писателей.

Оригинальную интерпретацию получил текст Барановича у авторов из старообрядческой среды. Их герменевтическая рефлексия была направлена на образ царя из предисловия.

Уже после смерти Алексея Михайловича анонимный автор «Возвещения от сына духовного к отцу духовному» понимает тезис о бессмертии царя из предисловия в прямом смысле. В старообрядческом тексте «Меч духовный» Барановича получает новое неожиданное название — «Сабли никонианская». Для старообрядцев и царь, и патриарх были грекофилами и реформаторами. И совсем не важным, с их точки зрения, было противостояние между ними, а тем более симпатии Барановича.

В 1690 году киевские издания были запрещены московским собором. Среди них — и «Меч духовный». Причина такого решения — в распространении учения католической церкви о пресуществлении Святых даров.

Книга «Меч духовный» была самым распространенным и популярным в России киевским изданием XVII века. Она сделала огромное влияние на становление российской государственной символики. В 1668 году Симон Ушаков написал икону «Богоматерь Владимирская, или Древо Московского государства», в основу которой легла форта из книги черниговского владыки. Она же стала главным источником фрески с генеалогическим древом российских монархов, появившейся в 1716 году в церкви пророка Ильи в Ярославле.

Тема двух мечей была развита Стефаном Яворским в книге «Камень веры», один из разделов которой посвящен духовной и светской власти. Автор считал, что власти должны сотрудничать, при этом духовная должна быть лидером, а мирская — помощником.

Имперский дискурс еще долго пользовался наработками Барановича. В 1742 году во время подготовки к коронации Елизаветы на триумфальных воротах было изображено древо царства, вырастающее из Владимира.

Таким образом, визуальные образы из «Меча духовного» на долгое время стали основой идеологической модели российского имперского дискурса, причем не только основными идеями, но и средствами. Практически этот текст был открыт для дополнений и мифологизации.

Текстовое воплощение русской языковой личности

Н. В. Мельник

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Лингвоперсоналогия, вторичный текст, языковая личность

Summary. In this paper there is the linguo-personological description of secondary texts, created on the basis of one text, and it is shown that their variety is caused by different types of language personalities.

Традиционно текст изучается в разных аспектах, каждый из которых выделяет его сущностные свойства. В целом обозначилась исследовательская тенденция от изучения текста как системно-структурного образования к его рассмотрению как формы коммуникации, от изучения лингвистической организации текста к изучению языковой личности, создающей или воспринимающей текст.

Текст — результат речевой деятельности, позволяющий смоделировать процесс речепорождения, а из него — сконструировать разные способы, определяющиеся типом языковой личности. Подобно тому как язык репрезентирует себя через речь, человек выявляет себя через язык. Текст — языковой знак, сообщающий информацию о типе речевой деятельности, результат которой опредмечивается во вторичном тексте и позволяет реконструировать языковую личность через способ реализации потенций языко-речевой материи. В тексте реализует себя, с одной сторо-

ны, креативный потенциал языковой системы, с другой стороны, — лингвокреативный потенциал языковой личности.

Лингвоперсоналогический анализ является универсальным типом анализа и применим к любому тексту, независимо от его стиля, жанра и т. д., мы проецируем его на вторичный текст, так как это дает возможность сопоставления его с текстом исходным. В результате анализа экспериментальных данных (стилизаций, полученных в результате выполнения задания по стихотворению в прозе И. С. Тургенева «Сфинкс»: «Продолжите текст, начав его с фразы: „Да и сам я — не сфинкс ли себе?“») выявлены параметры лингвоперсоналогических различий: содержательный — формальный, внутритекстовый — затекстовый, рационально-логический — интуитивный (художественный), механический — осмысленный, субъективный — объективный, «окультуренный» — природный, профессиональный — на-

ивный, креативный — копиальный. Раскроем суть этих позиций.

Содержательный — формальный типы. Во вторичных текстах объектом рефлексии носителей языка могут становиться содержательные категории или форма, точнее, внутренняя форма как способ оформления содержания: стиль, элементы словотворчества, манера повествования, особенности использования отдельных слов.

Внутриречевой — затекстовый типы. Авторы вторичных текстов в своих размышлениях могут отталкиваться от первичного, но не выходить за его пределы во внеязыковую действительность, акцентируя свое внимание на каких-то компонентах текста, а могут выйти за пределы текста, а в качестве своих аргументов привести факты из окружающей их действительности, из внеязыковой реальности.

Рационально-логический — интуитивный (художественный) типы. Во вторичных текстах может быть эксплицирована установка на анализ первичного текста, например, путем выделения в нем разного рода оппозиций, противопоставлений, а может быть представлено художественное осмысление проблематики оригинала.

Механистический (формальный) — осмысленный типы. Иногда вторичные тексты представляют собой копии фрагментов первичного, по которым трудно судить, «пропущен ли текст через себя», в других же текстах результат рефлексии авторов эксплицирован, и по нему мы судим о неформальном прочтении текста.

«Окультуренный» — природный типы. Во многих текстах, созданных испытуемыми, можно увидеть результат «окультуренности», «наученности», которая проявляется в ярко выраженной установке на анализ текста, в жанровом своеобразии школьного сочинения-рассуждения с его типичной формулировкой темы, композицией, клише, штампами, способом введения примеров. В других же текстах представлена непосредственная реакция на первичный, свободная от каких-либо канонов.

Профессиональный — наивный типы. При анализе профессиональной составляющей можно выделить категорию интертекстуальности, кроме того, к ней относится лингвистическая терминология (стилистические приемы, лингвистические термины), подходы к анализу текста. Наивное осмысление реализуется в способе аргументации представленной в тексте позиции, например, в обращении к житейской мудрости.

Субъективный — объективный типы. Реализация субъективного типа связана с авторской модальностью: в текстах эксплицирована позиция их авторов, они ясно выражают свое отношение к поставленной проблеме, аргументируют свою точку зрения. В других текстах авторская по-

зиция по поводу поставленной в исходном тексте проблемы не проявлена.

Копиальный — креативный. В качестве параметров соотношения исходного и производных текстов можно назвать степень приближенности к первичному тексту по формальной, содержательной и функциональной линиям.

Спроецируем все вышесказанное на анализ вторичного текста:

Да и сам я — не сфинкс ли себе? Я смотрю на свое отражение в зеркале, смотрю, и что же я вижу? Лишь искаженное изображение собственных черт. Губы могут сложиться в веселую улыбку, но глаза будут источать вселенскую печаль. И эта натянутая, искусно созданная улыбка введет в заблуждение многих. Может удастся обмануть и себя: в круговороте будних дел нет времени заглянуть в собственную душу, лишь зеркало дает мимолетный отчет о настроении.

И не каждому выпадает шанс встретить вторую половинку, человека, улавливающего мельчайшее движение души. Кому же дано разгадать тайну чужой души? Это может быть лучший друг, возлюбленный или родная мать. Да мало ли кто может стать вашим Эдипом! И кровное родство здесь не играет главной роли. Главное — родство души.

Ономасиологическая стратегия метатекстовой деятельности носителей языка основана на рефлексии языковой личности по поводу **содержания** текста, его темы, но при ее раскрытии автор уходит **за пределы первичного текста**, обращаясь к внеязыковой действительности — к событиям своей внутренней жизни, **осмысленным и представленным в образной форме**.

Высокая степень эгоцентричности свидетельствует о **субъективном** типе (реализация я-повествования, экспрессивный синтаксис, вопросительные и восклицательные конструкции) вторичного текста, который представляет собой **непосредственную реакцию** на исходный, **не зависящую от профессиональной принадлежности**. В данном вторичном тексте проявляет себя категория копиальности — **креативности** с доминированием последнего компонента.

Тип текста: **содержательный, затекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, субъективный, креативный**.

Разработанная методика анализа текста позволяет представить вторичный текст в аспекте проявления в нем свойств русской языковой личности. При этом необходимо заметить, что вариативность текстов, как и число различительных признаков, стремятся к бесконечности, в текстах данные параметры могут актуализироваться или нейтрализовываться.

Језичка анализа оговарања као говорног жанра свакодневне комуникације у српском језику

Б. Милосављевић

Универзитет у Београду (Београд, Србија)

Оговарање, говорни жанр, говорни чин, прагматика

The subject of this paper is gossip, the highly recognizable and very frequent speech behaviour present in everyday communication, both oral and written. This speech genre in everyday communication is current subject of linguistic research on pragmatic level in Serbian language.

У раду ћемо дефинисати појмовно значење оговарања, односно разграничити оговарање од наизглед сличних жанровских облика — клеветања, куђења, трача, гласине и сл. Анализу ћемо спровести на примерима текстова жанровске форме оговарања из говореног и писаног медијума (жута штампа), у којима се као релевантни за анализу показују појмови различитих језичких нивоа (од нивоа речи до нивоа текста), а посебно прагматичког нивоа, као што су: ситуациони контекст у оквиру којег се оговарање одвија, говорни чинови, однос саговорника у одговарајућем говорном процесу, говорне стратегије,

елементи невербалне комуникације (гестовни говор) итд. Истраживање оговарања као говорног жанра свакодневне комуникације видимо као допринос лингвистичким истраживањима разговорног српског језика, односно допринос осветљавању његове суштине — језика у употреби. Такође, у раду ћемо скренути пажњу и на то да ће детаљније језичко испитивање говорног жанра оговарања у српском језику допринети осветљавању и неких културолошких особености језичке слике света говорника српског језика у поређењу са другим словенским језицима и њиховим носиоцима.

Легевфемизмы в публичной коммуникации

М. А. Осадчий

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Правовой риск, публичная коммуникация, тактика, стратегия

Summary. Euphemism is less risky nomination, replacing in speech more risky one. The report focuses on legal risk as an active determinant of euphemism development in public communication in modern Russia. Legal euphemism (legal euphemism) is object of euphemology as a nomination, allowing the speaker to minimize the risk of legal liability. It is useful to understand legal euphemism as nomination of any size and semiotic status: word, phrase, sentence. Legal euphemism can be realized at the lexical, stylistic and compositional level.

В современной эвфемологии принято считать, что эвфемизм — это корректная лексическая единица, подменяющая в речи некорректную лексическую единицу, «улучшающая» денотат. Однако при первом же подробном рассмотрении категория корректности, обобщающая родственные оппозиции этичный / неэтичный, обидный / необидный, приличный / неприличный, не удовлетворяет понятию эвфемизма в его полном современном функционировании. Так, лексические оппозиции *умер / уснул*, *ФСБ / компетентные органы*, *наказать / сделать оргвыводы* нельзя рассматривать в пропорции к оппозиции корректный / некорректный. Такого рода эвфемизмы в принципе не соотносятся с категорией этики.

Категория этики не является для эвфемии имманентной. Первичные эвфемизмы-дэизмы, заменяющие номинации богов, тотемов, демонов, атрибутов культа, а также номинации смерти, основаны на категории риска. Прямые номинации были запретны не в силу их некорректности (обидности, неприличности), а в силу опасности. Таким образом, подменные номинации как лексический класс возникли под влиянием коммуникативной стратегии ухода от риска. Коммуникативная стратегия стремления к корректности, этичности включилась в процесс формирования эвфемии на позднейших стадиях развития лексики.

Коммуникативные стратегии ухода от риска и стремления к корректности являются в известной степени противоположными. Уход от риска — это стратегия, основанная на адресантоцентризме, стремлении говорящего обеспечить свою собственную безопасность. Стремление к корректности — это стратегия, основанная на адресатоцентризме, желании говорящего не навредить слушающему или предмету речи, не смутить окружающий, не поставить их в неловкое положение.

Определение эвфемизма требует уточнения. Можно предположить, что эвфемизм — это менее рискованная номинация, заменяющая в речи более рискованную. При этом особого исследования заслуживает типология рисков, осознание которых носителем языка и языковым коллективом в целом приводит к развитию эвфемии.

В докладе особое внимание уделяется правовому риску как одной из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации современной России. В современном обществе публичная речевая деятельность является сферой риска: велика опасность нанести вред государству, ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность. Осознание языковыми носителями публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов легального речевого поведения, включающих формулы ухода от правовых рисков. Легевфемизм (правовой эвфемизм) является объектом эвфемологии, поскольку является номинацией, позволяющей говорящему минимизировать риск правовой ответственности. Легевфемизм целесообразно понимать как номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение. Легевфемия может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне.

В ходе исследования публичной устной и письменной коммуникации установлены типовые формулы ухода от пра-

вого риска и их частотность. Исследование проводилось в течение 2011 года.

Формула № 1 «Манифестация субъективности» занимает лидирующую позицию — порядка 43% от общего числа зафиксированных случаев. В качестве примеров реализации данной формулы можно привести следующие высказывания: *Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству* вместо *Менеджмент ведет компанию в банкротству*. Элемент «мне все больше кажется» формально указывает на субъективность, гипотетичность сообщаемой информации, что снижает риски правовой ответственности. Хотя стиль, интонация и контекст позволяют адресату речи понять, что элемент «мне все больше кажется» является лишь маской говорящего, попыткой себя обезопасить. Фактически же оратор хорошо разбирается в проблеме, о которой говорит, и полностью уверен в сообщаемом факте.

Формула № 2 — «Затемнение денотата», реализуется в 22% случаев. В качестве примера можно привести высказывание *Всем нам хорошо известный депутат шел на выборы с лживыми обещаниями*. Элемент «Всем нам хорошо известный» является затемненным указанием на денотат. Отсутствие в высказывании прямого указания на характеризующее лицо является гарантией безопасности оратора. При этом люди, присутствующие на пресс-конференции, хорошо поняли, о ком говорит оратор.

Формула № 3 — «Разорванная предикация», реализуется в 18% случаев. Суть данной формулы сводится к тому, что субъект и предикат, которые составляют в интенции говорящего единство, разводятся по разным высказываниям: *Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтойИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания*. Из контекста ясно, что говорящий имел в виду, что компания «СтройИнвест» не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предикат «не может выполнять обязательств» и субъект «компания „СтройИнвест“» разведены по двум разным предложениям, которые являются самостоятельными. В этом случае компании «СтройИнвест» потребуется долго доказывать в суде, что информация о том, что компании не могут выполнять своих обязательств, относится именно к ней. Суд будет рассматривать это как спорный и неоднозначный момент.

Формула № 4 — «Ссылка на непроверяемый источник», реализуется в 17% случаев. Примером могут служить высказывания с элементами *Всем известно, что...*, *Не раз приходилось слышать о том, что...*, *Никто не будет спорить, что...* Такого рода ссылки невозможно проверить, однако сам факт наличия ссылки формально делает критическое высказывание более безопасным с точки зрения правовой ответственности за сказанное.

Осознание того, что речевая коммуникация является полем правовых отношений, становится массовым. Опросы показали, что 80% носителей русского языка осознают, что за критические высказывания в адрес людей или компаний может наступить правовая ответственность в связи с ущербом репутации. Умение намеренно уходить от правовой опасности в публичной речи становится важной составляющей коммуникативной компетенции современных носителей языка. Таким образом, в алгоритмах речевого поведения формируется особая зона интенций, которые систематически влияют на стиль, лексику и грамматику речи.

Новообразования в литературных и кинокритических

Я. П. Полухина

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Новообразования, кинокритика, видеокритика

Summary. The paper is devoted to neologisms in professional speech of journalists.

Игровое кино и игровая литература стали неотъемлемыми элементами культуры нашего времени. В последние десятилетия на книжном рынке и в киноиндустрии все популярнее становятся фантастика и фэнтези. Ежегодно публикуются сотни новых наименований фантастических книг, часто снимаются фантастические фильмы. Выходят журналы и альманахи о фантастике: «Если», «Мир фантастики», «Полдень, XXI век»; появляются крупные сайты, посвящённые фантастике. Соответственно, возросло количество критических статей, рецензирующих и анализирующих книжные и кинематографические новинки, в Интернете и СМИ прочно обосновались разделы книжных и видеорецензий. Авторы рецензий в своих текстах сформировали новый пласт лексики, обслуживающий эту сферу.

В настоящем докладе рассматриваются новообразования из рецензий литературно-критического журнала «Если», специализирующегося на фантастике и футурологии. Следует отметить, что фантастика создателями журнала понимается широко: любые ирреальные элементы позволяют причислить произведение к фантастическому. Основу профессиональной лексики «фантастических» рецензентов составляют лексемы, обслуживающие сферу кино и литературы в целом, однако есть и своеобразные черты, обусловленные особенностями жанра. К примеру, уже сформировалась группа лексики, которая не фиксируется толковыми словарями русского языка, но прочно вошла в лексикон книжных и видеорецензентов. Это *блокбастер*, *бестселлер*, *продюсировать*, *сиквел*, *приквел*, *ситком*, *оскароносный фильм*, *мультсериял*, *кинопремьера*, *римейк*, *релиз*, *камео*, *квест* (пришедшее в мир кино и книг из мира компьютерных игр), *фанфик*, *киберпанк*, *мэйнстрим*, *фэндом*, *конвент* и т. п.

Самые большие семантические группы новообразований — это наименования жанров и типовых персонажей.

Современные жанры игрового кино и массовой литературы не имеют четких границ, могут переходить один в другой, соединяясь и разделяясь. Эта тенденция находит свое отражение и в новообразованиях, создаваемых журналистами для характеристики того или иного фильма. В текстах рецензий мы находим огромное количество новообразований для жанровых номинаций: *фильм-катастрофа*, *фильм-стилизация*, *рассказ-пьеса*, *фэнтези-комедия*, *аниме-сериал*, *киберпанк-аниме*, *нуар-детектив*, *трэш-хоррор*, *микрофантастика*, *нанофантастика*, *криптоистория* и т. д. Фактически через новообразования можно представить современную систему жанров и направлений современной литературной и кинофантастики. Даже рубрики в журнале, посвященные кино, носят названия *видеодром* и *видеорецензии*.

В огромном потоке книжной и кинопродукции сформировались определенные типы персонажей, гарантирующих популярность и коммерческий успех. Их характерные особенности отразились в сложных неологизмах *девушка-киллер*, *пьяница-священник*, *патриарх-заключённый*, *преступник-смертник*, *монахи-боевики*, *киберспортсмен*, *человек-дерево*, *гном-изобретатель*, *ящер-мутант*, *персонажи-интеллектуалы*, *принц-полукровка*, *подросток-вервольф*, *мститель-террорист*, *мститель-одиночка*, *вампиры-«вегетарианцы»*.

Среди новообразований встречаются, в основном, словообразовательные неологизмы, лексические неологизмы пре-

обладают лишь среди терминов, связанных с созданием и продвижением произведений массовой культуры.

Лексические неологизмы, как правило, заимствуются. Неологизмы терминологического характера в подавляющем большинстве приходят из английского: *мэйнстрим* («главная струя» в литературе), *экиен* (действие), *кинорелиз* (выпуск фильма), *хоррор-комедия* (комедия ужасов), *ретро-хоррор* (ужасы в стиле ретро), *роман-приквел* (роман, предшествующий другому, вышедшему ранее), *телефильм-стиноффы* (фильмы, чьи персонажи или вымышленный мир были ранее использованы в другом произведении), *фрик-шоу* (шоу уродов). Но встречаются неологизмы, возникшие из других языков: *фильм-нуар* (франц. фильм в мрачной стилистике и с гангстерской эстетикой), *ноктюрна* (лат. страна ночи), *культуртрегер* (нем. носитель культуры), *вуция* (кит. жанр китайского кино и литературы, где бойцы летают, ходят по воде и проч.).

Некоторые заимствованные терминологические словосочетания передаются на языке оригинала: *science fiction* (англ. научная фантастика как литературный жанр), *speculative fiction* (англ. литература размышлений), *hardboiled detective* (англ. «крутосваренный» — лихо закрученный детектив) и другие.

Большинство новых слов являются сложными или сложносложносоставными, — сказывается стремление критиков-журналистов к речевой экономии: *мульттранзит*, *киноастероиды*, *мультфантастика*, *кинопром*, *фантдопущение*, *мультпересказ*, *технофэнтезийный мир*, *видеосалонный хит*.

В текстах рецензий прослеживается отмечаемое Н. С. Валгиной «свертывание наименований», поддерживаемое действием закона речевой экономии. Еще недавние словосочетания *премьера кино*, *показ кино*, *релиз фильма*, *пересказ мультфильма*, *космическая опера*, *репертуар театров и кино* и другие превратились в *кинопремьеру*, *кинопоказ*, *кинорелиз*, *мультпересказ*, *космооперу* и *спейс-оперу*, *кинотеатральный репертуар* и т. п.

По сравнению с другими жанрами СМИ в критике не так часто используются аббревиатуры: *ситком* (ситуационная комедия), *Иск-ин* (искусственный интеллект), *ФД* (фантастическое допущение). Активно используется аббревиатура *НФ* (научная фантастика), употребляясь не только самостоятельно, но и входя в состав отаббревиатурных дериватов: *НФ-идеи*, *НФ-литература*, *НФ-книги*, *НФ-тексты*, *НФ-рассказы*, *НФ-романы*, *НФ-ленты*, *НФ-ежегодник*, *НФ-антураж*, *НФ-комедия*, *НФ-киноспорт*, *НФ-драма* и т. п.

Менее активны суффиксальный, префиксальный и префиксально-суффиксальный способы создания новообразований: сообщество *поттериана*, *аватаризм*, *киборгизированные тела*, в *стимпанковских* декорациях, *геймерский* детектив.

Таким образом, можно говорить о возникновении нового, довольно обширного блока лексики, формирующегося в литературной и кинокритике современных СМИ.

Литература

- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003.
Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. М. Складневской. М., 2001.

Русская загадка и отгадка — словарный поиск

С. Б. Потёмкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Денотат, субститут, загадка, отгадка, словарь

Summary. Russian riddle is generally a short rhymed text in which the reader is invited to identify an object, animal, natural phenomenon or process which is described in a mysterious, metaphorical and playful way. Relation between the riddle and its solution is not obvious but could be established using a Russian dictionary where word definitions connect words of a riddle with its solution. An example is discussed in the paper.

*Что за песни пели сирены
или каким именем назывался Ахилл,
скрываясь среди женщин, —
уж на что это, кажется, мудрёные вопросы,
а какая-то догадка и здесь возможна.*

Сэр Томас Браун

Семантическая связь текста загадки с отгадкой не должна быть очевидной, иначе разгадывание не составит затруднений и не вызовет интереса. Денотат загадки (собственно отгадка) заменяется в тексте загадки некоторой переменной которая может быть поименована: **Волк железный, а хвост льняной** = иголка с ниткой; выражена личным местоимением: **Я маленька, удаленька, во дворец вступила, царя разбудила** = блоха; либо пустой переменной (**X**): *Сквозь землю прошел, красну шапочку нашел* = гриб; и т. д. [Садовников 1876]. Во всех случаях вместо переменной должен быть подставлен денотат = разгадка, причем если переменная поименована, иногда, но далеко не всегда, само ее имя дает намек на разгадку: *Висит груша, нельзя скушать* = лампочка — лампа имеет грушевидную форму, оба существительных женского рода, неодушевленные. В других случаях денотат не согласуется с субститутом ни грамматически, ни семантически (**волк + хвост, иголка + нитка**).

Существует предположение, что загадки не предназначены для отгадывания, просто нужно знать и запомнить отгадку, а метафорическая форма загадки лишь способствует ее запоминанию и позволяет взглянуть на объект с неожиданной, непривычной стороны, что способствует развитию воображения и просто формирует представление о том, что предметы не всегда таковы, какими они видятся. Этот аспект особенно важен для детского развития, ведь загадка в наше время бытует именно как инструмент воспитания, а глубинный, сакральный аспект загадки утрачен.

С другой стороны, текст загадки и отгадка, вероятно, должны иметь определенную семантическую связь, то есть вместо субститута можно было бы подставить любую константу и загадка потеряла бы смысл: «что есть на свете», либо содержала бы явное противоречие: «что больше себя самого». Выявление семантической связи может быть основано на толковых словарях русского языка, в том числе современных, постольку поскольку нами рассматриваются только те загадки, лексика которых и сама отгадка понятны современному человеку, ребенку в том числе и значение лексика которых не изменилось или мало изменилось со времени возникновения загадки.

Рассмотрим загадку **X**: *На четырех ногах, а не зверь, с перьями, а не птица* = кровать. Следует отметить, что в загадке указаны ограничения на денотат: ~ (**X** ≡ зверь), ~ (**X** ≡ птица).

Словарь Д. Н. Ушакова [Ушаков] дает толкование каждого знаменательного слова этой загадки. Не приводя полностью все толкования, выпишем по цепочке, зная, к чему мы должны прийти, только те, которые могут удовлетворяют указанным ограничениям.

Нога 2. перен. Опора, нижний конец (*мебели*, частей сооружений и механизмов в разных отраслях техники; спец., редко, чаще *ножка*).

Мебель. Предметы комнатной *обстановки*: столы, стулья, шкафы, *диваны*, кресла и т. п.

Кровать. Предмет домашней *обстановки*, служащий для сна и представляющий собой длинную раму на *четырёх ножках* с двумя спинками, на к-рую кладется *постель*.

Перина. Длинный мешок, набитый пухом или мелкими *перьями*, употр. как подстилка на *кровать*.

По словарю установлена связь между двумя отличительными признаками денотат: Part-of(**X**, *ноги*), Part-of(**X**, *перья*).

Для определения, какое из выделенных слов является отгадкой, следует обратиться к тезаурусу, в котором указаны отношения гипонимии, Нуро и меронимии, Part-of: Нуро(*Мебель, Кровать*); Part-of(*Кровать, Ноги*); Part-of(*Кровать, Перина*); Part-of(*Перина, Перья*). По транзитивности отношения Part-of имеем: Part-of(*Кровать, Перья*), Part-of(*Кровать, Ноги*). Отгадка: **X** = {*Кровать*}. Воспользовавшись словарем Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000], в качестве отгадки получим **X** = {*Диван*}, поскольку в дефиницию для *Кровать* не включено эксплицитно слово *Постель*.

Мы производили поиск по словарю, заранее зная отгадку, однако возможен поиск путем полного перебора цепочек разрешенных вариантов (не зверь, не птица). Из сказанного можно сделать вывод, что несмотря на замысловатость загадки, иногда можно ответить на вопрос «Какую песню пели сирены». В частности, загадка может быть использована для тестирования информационно-поисковых систем.

Литература

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. СПб., 1876.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронная версия: <http://ushakovdictionary.ru/>]

Перестройка русской стилистической системы в XXI веке

О. Г. Ревзина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В исследовании тех тенденций, которые наметились в функционировании стилистической системы русского языка в первое десятилетие XXI века, мы исходим из следующих положений:

Все процессы происходят в дискурсе, все результаты закрепляются в системе (Поль Рикер).

Язык прямым образом связан с историей общества и культуры. По отношению к происходящим событиям язык находится в позиции *in eventu*, то есть вербализует события и непосредственно в них участвует, по отношению к прошлому — в позиции *ex eventu*, становясь главным источником реконструкции прошлого (Райнхарт Козеллек).

Лексика и стилистическая система наиболее тесно связаны с историей *in eventu* и с динамической картиной мира.

Изменения в стилистической системе могут быть поняты и осмыслены только в историческом сопоставлении: без диахронии нет синхронии.

Русская стилистическая система имеет специфические характеристики, отличающие её от стилистических систем европейских языков. Русский литературный язык нового времени, каким он складывался на протяжении XVIII — первых десятилетий XIX века, органически включил в себя церковнославянскую и исконно русскую составляющие. В стилистической системе оказались переплетены два типа

противопоставлений: известное со времен античности противопоставление высокий — нейтральный — низкий и противопоставление по сфере употребления: книжность — норма — разговорность. Стилистические смыслы могут быть поняты как точки зрения, мотивированные и актом коммуникации, и этическими (ценностными) установками. Такой разности семантических потенциалов не знают другие европейские языки, что эмпирически многократно подтверждено практикой переводов.

Наблюдения над процессами, происходящими в русском дискурсе и данные словарей конца XX — начала XXI века, демонстрирующие «стилистическое смятение» относительно словарных помет, позволяют выдвинуть и обосновать два утверждения:

В XXI веке русская стилистическая система обретает структуру, не представленную в прежних её состояниях — с середины XVIII и вплоть до последних десятилетий XX века.

Русская стилистическая система редуцируется до трехчленной оппозиции: книжность — норма — разговорность. Важнейшей становится профессиональная и социальная характеристика. Оппозиция высокое — низкое теряет свою значимость. Из стилистической системы уходит этическая составляющая.

Структурные основы стилистической системы русского языка были заложены в проекте М. В. Ломоносова. Высокий стиль включал в себя церковнославянские и русские слова, низкий — русские и простонародные (просторечные). По Б. А. Успенскому, церковнославянский язык, как язык сакральных текстов, противопоставлен русскому в аспекте «высшая» — «эмпирическая» реальность. Так в оппозицию высокий — низкий стили был инкорпорирован ценностный критерий. В XIX веке стилистическая система

непрерывно развивалась, и продвигались во времени её эτικο-эстетические смыслы, соотношенные с русским культурно-языковым пространством и коллективным национальным сознанием. Эта структура выдержала стилистическую ломку после 1917 года, однако стилистические потрясения после 1985 года и новая структуризация русского дискурса привели, скорее всего, к точке «невозврата». Наиболее значимыми явились следующие процессы в дискурсе: а) смещение на периферию художественного дискурса и переориентация художественного языка на язык повседневный и сниженный, б) сходная, но более объемно и выпукло проявляющаяся переориентация публицистического дискурса (языка средств массовой информации), обладающего одновременно и наибольшей востребованностью, в) формирование интернет-общения и языка интернета, г) актуализация социолектов и профессиональных языков. Наибольший урон в этой перестройке терпит стилистический смысл «возвышенность», наибольшие предпочтения получают жаргон, сленг, арг. Сопоставительный анализ словарных помет толковых словарей второй половины XX века и новейших толковых словарей представляет и детализирует результаты стилистической перестройки: а) книжность укрепляется за счет огромного потока заимствований, передающих специализированное научное знание, б) в разговорность (и в норму) втягивается лексика, относившаяся прежде к просторечию и резкой сниженности, в) вымываются лексические маркеры возвышенности и грубой сниженности и тем самым устраняется разность стилистических потенциалов. «Человеческий фактор» в языке подразумевает ответ на два вопроса: что люди делают с языком и что делает язык с людьми. Что «истлеет» и что «созреет» в русской стилистической системе в XXI веке, определяет язык — и люди, которым он вручен.

Научный текст как диалог: языковые аспекты

Л. Н. Семенец

Украинская академия печати (Львов, Украина)

Диалогичность, научный дискурс, метадискурс, дискурсивный анализ

Summary. The paper contemplates on the phenomenon of dialogism in human speech and deals with the problem of its manifestation in academic discourse specifically. The nature of academic discourse as one in which the intent on dialogism seems to be more explicit compared to some other types of discourse is examined. The levels and ways of such manifestation are regarded.

Если проблемам художественного текста в мировой науке уделялось и продолжает уделяться значительное внимание, то вопросы фундаментальных закономерностей построения и функционирования научного текста остаются на периферии исследований. Особенного внимания, по нашему мнению, заслуживает проблема проявления в организации научного дискурса на всех уровнях феномена диалогичности речи.

Явление диалогичности впервые было с достаточной полнотой охарактеризовано русским мыслителем М. Бахтиным, развивавшим в своих трудах идеи немецкого философа М. Бубера. Всякое высказывание, утверждает М. Бахтин, представляет собой лишь момент непрерывного речевого общения как процесса становления социального коллектива и человека — части этого коллектива. Такова сущностная природа слова человеческой речи, созданного с одной основной целью — быть услышанным, понятым и ответным, и даже монолог — форма, лишенная внешних атрибутов взаимного обмена информацией, — рассматривается при таком подходе как частный случай диалога в широком понимании термина, поскольку предусматривает наличие по меньшей мере двух коммуникантов (говорящего и адресата, к которому обращен монолог; причем адресатом может выступать как присутствующий при акте коммуникации человек, так и воображаемый адресат, неодушевленный объект или даже сам говорящий).

Как можно предположить, особенно ярко феномен имманентной диалогичности человеческого слова проявляется в научном дискурсе. Если художественный и даже публицистический текст может не требовать жестких документаль-

ных подтверждений, а представлять собою личную точку зрения автора, результат его рефлексий и монологичное выражение его субъективных убеждений, то научное исследование основывается прежде всего на выработанном за века научной мысли интеллектуальном багаже человечества, на отраженном в научных трудах объективном знании о мире и человеке в нем. Каждое новое слово в научной мысли представляет собой ответ, реакцию на высказанную предшественником идею, которая в свою очередь была порождена как отрицание или развитие чьей-то более ранней мысли. Более того, основополагающая интенция научного текста — быть в конечном счете включенным в большой диалог, послужить очередной ступенькой к достижению научной истины, опираясь на которую, последующие поколения ученых придут к своим собственным выводам. Важнейшим проявлением диалогичности научного текста является, в частности, такое его фундаментальное свойство, как интертекстуальность, эксплицируемая посредством системы ссылок на другие труды. Именно установка научной речи на диалог — с современниками, с исследователями-предшественниками, с научной и культурной традицией — и есть необходимое условие последовательной эволюции научного знания.

Диалогичность научного текста проявляется на всех его уровнях — от макро- до микроструктуры. На макроуровне феномен диалогичности проявляется в определенной последовательности изложения информационных блоков, в специфике организации текста, строящегося по строгим, освященным веками и регламентированным документально канонам. Мы говорим как об общих для всех научных тек-

стов, так и о специфических для отдельных жанров составных элементах, призванных ознакомить читателя с рассматриваемыми вопросами, помочь ему определить для себя релевантность содержащейся в работе информации, ее актуальность в широком контексте научных исследований — эту функцию выполняют также «разросшиеся» до отдельного жанра рецензии, облегчить читателю восприятие излагаемого материала посредством структурирования его на композиционном уровне. В частности это такие элементы, как введение, призванное заинтересовать адресата и связать данное исследование с другими разработками, «вести его в диалог» с ходом отечественной и зарубежной научной мысли, часто в иных сферах знания; постановка проблемы и определение заданий; последовательное логическое изложение рассуждения исследователя, подкрепленное фактическими доказательствами и ссылками на уже существующие труды и ориентированное на убеждение читателя посредством рациональных аргументов и апелляции к авторитету; заключение, в сжатом виде предлагающее читателю выводы, к которым приходит исследователь в работе, и очерчивающее возможные пути дальнейших исследований в этой или связанных областях; библиография, отражающая предыдущие «стадии» научного диалога автора и ученых, исследовавших прежде этот же или связанные вопросы, результатом чего и явилось данное научное исследование, и в то же время открывающая реципиенту пути для вступления в индивидуальный диалог с научной традицией — будь то с целью отыскать в других работах подтверждение или опровержение выводам автора, ознакомиться с более широкой информацией касательно поставленной проблемы или же рассмотреть другие существующие точки зрения, дабы не ограничиваться одной лишь предложенной в статье. Так

или иначе, в результате адресат приходит к собственным выводам: в обмене смыслами, точками зрения происходит рождение новой истины, которая, явившись порождением научного диалога и полилога, в свою очередь включается в информационный оборот, порождая новые смыслы и меняя, расширяя значение уже существующих.

На микроуровне, уровне речевом, установка на диалогичность наиболее явно эксплицируется в специфических приемах, употребляемых автором по большей части осознанно и в зарубежной научной традиции объединяемых под общим названием «метадискурс» (впервые использовано З. Гаррисом).

Метадискурсивные средства и приемы подразделяются на две большие группы: интерактивные, призванные облегчить и направить восприятие реципиентом текста, и интеракционные, в которых автор вступает в открытый диалог с читателем, эксплицируя свое присутствие в тексте. Понятие «метадискурс» в общепринятой его трактовке не включает, тем не менее, отдельных лексем и специфики их выбора, поскольку они не касаются пропозиции в целом, и, что еще более прискорбно, — неосознанно используемых авторами средств и приемов, глубинных свойств и закономерностей порождения научного дискурса, обусловленных самой его природой, коммуникативной интенцией на включение в большой диалог.

Таким образом, в языке научных текстов наблюдаем проявления диалогичности на всех уровнях: лексическом, морфологическом, графическом, а в особенности — синтаксическом. Необходимость выявить, пояснить и обосновать эти проявления, а также установить основные закономерности взаимодействия автора, читателя и научного контекста обуславливает особую актуальность таких исследований.

Язык драматургии в зеркале русской критики 1-й половины XIX века (морфологический аспект)

И. Б. Серебряная

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Грамматические оценки, язык драматургии, культура русской речи

Summary. The paper is devoted grammatical (morphological-stylistic) estimations of language of dramatic art by Russian critics of 1st half of XIX-th century. In remarks of reviewers language tastes of an epoch, the contradiction between norm and scenic language were reflected.

1. Критика, являющаяся составной частью и важной движущей силой зрелого литературного процесса, представляет немалый интерес не только для литературоведов, но и для лингвистов. Оценивая текущую литературу, рецензенты не ограничиваются идейно-содержательным анализом и, как правило, обращаются к языковой стороне произведения, затрагивая при этом самые разные речевые уровни: от фонетического до синтаксического. Этот материал, отражающий становление литературной нормы, языковые вкусы эпохи и реакцию наиболее интеллигентных носителей языка на изменения в нём, имеет большое значение для языковедов. В связи с этим кажется целесообразным выделение особого раздела языкознания — **лингвистической аксиографии**, изучающей критические оценки языковой стороны литературы. Особенно значима в этом плане эпоха расцвета русской критической мысли — 1-я половина XIX века.

2. Суждения о языке драматургии весьма специфичны, что определяется предназначением драмы для постановки на сцене, раскрытием основной идеи пьесы и характером героев через речь персонажей. Главным критерием оценок здесь являлась уместность речевой имитации. По этой причине в сфере морфологии были возможны похвальные отзывы о заведомо ошибочных грамматических формах, если эти нарушения нормы были стилистически оправданными. Так, В. Г. Белинский восхвалял формой винительного множественного *глазы*, вместо нормативной, связанной со значением парности формы *глаза* (*страх большие глаза имеет*) в речи обруселого немца Клейстера, героя водевиля П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» [Белинский 1959: 189].

3. Однако диалектно-просторечную форму *ребёнки* (*рыдали, как ребёнки*) в переведённой Н. Мейстером (псевдоним украинско-русского поэта И. В. Росковшенко) книжной по стилю трагедии Шекспира «Ричард III» Белинский осудил как ненормативную [Белинский 1959: 306]. Образования такого типа, повсеместно распространённые в говорах [Обнорский 2010: 140], нередко встречались в произведениях авторов украинского происхождения, поскольку в украинском литературном языке сохранилось исконное склонение имён существительных древней основы на — *nt с суффиксальным элементом в обеих полупарадигмах [Черных 1962: 188], и писатели, стремясь к «русскости», но, одновременно, находясь под впечатлением родного языка, оформляли при помощи суффикса уменьшительности *-онок* как формы единственного, так и множественного числа. В частности, образование *ребёнки* не раз стилистически немаркировано использовал Н. В. Гоголь: *мы ребёнки перед этим веком* (Письмо В. Г. Белинскому от 10.08.1847) [Гоголь 2003: 400]; *их мысли ещё глупые ребёнки* (Выбранные места из переписки с друзьями, 1843–1847) [НКРЯ] и т. п.

4. Любопытные замечания сделал А. А. Бестужев (Марлинский) о языке переведённой П. А. Катениным трагедии Расина «Эсфирь». В частности, критик отрицательно отозвался о притяжательном прилагательном *солнцев* (*До солнцева восхода*), вместо общепринятого *солнечный* [Русские писатели... 1960: 144]. Нередкое в поэзии XVIII — 1-й половины XIX в. образование *солнцев* обычно входило в состав метафорических определений типа *солнцев конь, солнцев храм, солнцев дом, солнцев трон, солнцев престол* и т. п., при помощи которых в художественных текстах высокой

стилистической направленности, а также в произведениях фольклорной ориентации создавался орнаментально-выразительный приём олицетворения. Например: *Полденный света край обшёл отважный Гама И солнцева достиг, что мнила древность, храма* (М. В. Ломоносов. Петр Великий, 1760); *Я Солнцев брат и зимнею порою Чудес не меньше солнца строю* (И. А. Крылов. Роща и огонь, 1809); *Рассеяны склонила взгляды, Тоской души утомлена, На падишый солнцев храм она* (Жуковский В. А. Пери и ангел, 1821) и т. п. [5]. Неодобрительная реакция критика была, вероятно, вызвана не только обветшалостью данного прилагательного, но и нехарактерной для него сочетаемостью в переводе Катенина с нейтральной в стилистическом отношении лексемой *восход*. Это, с одной стороны, создавало стилистический диссонанс и нарушало традицию метафорического использования слова; с другой же, — было неточным с лексико-грамматической точки зрения в связи с отсутствием выраженной семантики принадлежности.

5. Негативно отнёсся Марлинский и к такому наследию церковнославянского языка, как отглагольное прилагательное *зablужденный* (*царь*), образованное от устаревшего невозвратного глагола *зablудить* «сойти с пути, отступить от истины» [СлРЯ XVIII в. 1992: 161], вместо *зablуждающийся*. Этот глагол встречался в произведениях церковно-книжного стиля XVIII века. Например: *сожаления будем достойны, но не наказания, если зablудим* (А. Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии, 1792–1796) [НКРЯ]. «Где и кем зablужденный? Иной подумает в лесу, каким-нибудь *лешим*» — иронизировал критик [Русские писатели... 1960: 144]. В связи с этим следует отметить ти-

пичную для русской критической литературы этого периода в целом особенность, которая заключается в следующем: грамматическую архаику, использованную авторами в качестве стилистического средства, рецензенты намеренно представляли в своих отзывах как грубое нарушение норм, обусловленное незнанием правил, часто подчёркивая при этом трудности понимания, с которыми столкнётся читатель или зритель, воспринимающий произведение, написанное избитыми устаревшими формами слогом. Именно так поступил стоявший в данном случае на позициях стилистической простоты и доступности драматического языка Марлинский.

Эти и иные, аналогичные по содержанию замечания русских критиков 1-й половины XIX века о языке драматических произведений разных жанров: от легкого водевиля до высокой трагедии, — свидетельствуют о том, что наивысшей ценностью в этом плане считались правдоподобие, естественность и непринуждённость живой речи, способствующие простоте восприятия пьесы.

Литература

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1959.
 Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 2003.
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru].
 Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. М., 2010.
 Русские писатели о переводе: XVIII–XX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова. Л., 1960.
 СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 7. СПб., 1992.
 Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

Языковые проявления статичности и динамики анатомического описания

И. Стефанова, С. Христова

Медицинский университет (Варна, Болгария)

Статичность и динамика описания, местоположение анатомического объекта, лингвистика текста

Summary. The report examines the implementation of correlation: dynamic /static in the description of the anatomic site and the cases of preservation and anatomical deviation from tradition are marked.

Язык анатомического текста проявляется в описании, с помощью которого конструируется анатомическая картина человеческого тела. Реализация описания конкретного объекта выявляет характеристики динамики и статичности. Их семантическое декодирование дает возможность положить их в бинарную оппозицию и рассматривать как бинарные отношения.

Динамика и статичность могут декодироваться как маркеры пространства: пространства текста, с одной стороны, и пространства анатомического объекта, с другой.

Медицинский текст как принадлежащий к научному стилю отличается следующими характеристиками: терминологичность, информативность, объективность, однозначность, статичность и др. Он определяется как коллективное изложение, которое поддерживается и передается посредством утвердившихся композиционных структур [Милюева 2008]. Анатомическая традиция отстаивает как установленные базисные информативные структуры медицинской науки, так и их терминологическое, синтаксическое и текстовое оформление. Константным информативным компонентом дескриптивности в анатомии является пространственная характеристика объектов.

Медицинское знание подвергает номинализации пространство, наделяя его специфичной восприятия, обслуживающего его область. Включенное в рабочее поле медицины, пространство «согласует» свои семантические характеристики с требованиями науки и исследуемого и описывающего субъекта.

Проблема пространства — это, соответственно, проблема способа заполнения пространства. Данный анатомический объект располагается в определенном пространстве или он сам проявляет характеристики пространства.

Пространство определяет место объектов в человеческом теле и ориентирует реципиента при их восприятии. Типоло-

гия конкретного объекта определяет специфику описываемого пространства в анатомии (место, расположение, границы и ограничение полости, форма). Взаимоотношение объект-пространство отражается на статичности и динамике дескриптивного текста.

Статичность анатомического описания связана с определением общего местоположения и проявляется посредством глаголов со значением места (*се намира, се вмести, заема*) и причастно-страдательных конструкций. Анатомические объекты как *кухина, пазуха, торбичка* кодируют значение «пространство». Терминологический фонд здесь является проекцией реально существующих пространственных определителей (*под, таван, праг, небе*), вследствие метафоризации опознанного на исследованное. Их функция ограничивать пространство поддерживается наречиями места (*отвън, отвътре, отстрани*).

Преддверието е цепковидно пространство, намиращо се между устните и бузите отвън и зъбите и венците на горната и долната челюсти отвътре.

Пространство таких объектов не является только статичным. Оно расширяется, сужается, меняет форму, отражая изменения *in vivo* в норме и при патологии. Текст показывает эти изменения последовательностью или чередованием определенных статичных состояний (*при отворена уста, при затворена уста*). В языковом отношении динамика поддерживается нетипичными для статичных состояний наречиями со значением направленности:

Същинската устна кухина се загражда между: небцето — нагоре; устното дъно — надолу; зъбите и венците — напред и в страни; устния зев — назад.

При реализации формальной характеристики «линейность», объект рассматривается как путь. Путь как метафора имеет начало и конец, его характеризуют движения, вы-

раженные глаголами *минава, движи се, извиња, изкачва се, продължава, пресича*. Его семантическая основа совмещает оппозицию статичность/динамика и реализует статично-динамическое расположение объекта в пространстве [Ботева 2009].

Аортата се насочва нагоре, надясно и леко напред, след това се извиња наляво и, прехвърляйки се над корена на левия бял дроб, достига до лявата страна на четвърти гръден преишен. Оттук тя се спуска надолу... и стига до четвърти поясен преишен.

Проследование протяженности объекта определяет его форму и расположение. Семантический признак «движение» поддерживается однонаправленным совмещением различных частей речи: глаголами движения и залогом, выраженным возвратной формой глагола (*насочва се, извиња се, достига, спуска се, преминава, описва*); наречиями со значением направленности (*нагоре, надясно, наляво, напред, надолу*); деепричастиями (*прехвърляйки*).

Традиция медицинского дискурса сохраняет наблюдательность исследователя и детализацию описания. Таким

образом увеличивается время для наблюдения, замедляется процесс исследования, точность описания увеличивает поверхность расположения. Эти особенности расширяют пространство объекта и пространство текста, и таким образом реализует его динамику.

Информационное и языковое постоянство анатомического текста являются предпосылкой его «иконичности». Тексты, отличающиеся по своему академическому статусу и целям (атлас, учебное пособие, энциклопедический словарь), вместе с основной информативностью сохраняют принятые типы описания. Однако, как правило, в случаях, где статичность и динамика описания совмещаются, отдаются предпочтение статичному состоянию и взгляду на объект. В результате, снижение информативности отражается на выборе языковых средств и повышает статичность описания объекта, а так же его восприятия реципиентом.

Литература

- Ботева С. Метафората и връзката пространство-време. София, 2009.
Добрева Ел., Савова Ив. Текстология. Шумен, 2000.
Милиева Д. Текстология. Пловдив, 2008.

К вопросу о параметрах оценки перевода (на материале хорватско-украинского перевода)

Г. П. Тыртова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Эквивалентность, адекватность, оценка перевода

Summary. To estimate correctly the quality of translation is possible with the help of categories of equivalence and adequacy. This is proved by the translation of the Croatian novel into Ukrainian language.

В современном российском переводе нет общепринятых критериев оценки качества перевода. Согласно одной из предлагаемых концепций достоверными оценочными характеристиками могут служить категории эквивалентности и адекватности. Введение указанных параметров предполагает (в самом кратком изложении) следующее их понимание. Эквивалентность — это максимально возможная лингвистическая близость текста перевода тексту оригинала [Комиссаров 1980: 152–153]. Адекватность — «воспроизведение в переводе функций исходного сообщения» [Сдобников, Петрова 2008: 209].

Указанные категории были использованы при анализе качества украинского перевода хорватского романа «Восьмой поверенный» Р. Баретича (переводчик Н. Т. Чорпита). Разумеется, особого рассмотрения не требовали те фрагменты украинского текста, которые очень точно, дословно передают смысл оригинала, но при этом звучат совершенно «по-украински», поскольку в них не нарушены нормы языка перевода:

Siniša šutke klimne i zablulji se u nogu premijerova stola.

Сініша мовчки кивнув і витрищився на ніжку прем'єрового столу.

Подобные полные соответствия, объясняемые генетически заложеной лексической и грамматической близостью языков, достаточно часто встречаются при славяно-славянском переводе, и именно такой перевод может быть назван эквивалентным и адекватным.

Для оценки качества перевода значительно интереснее случаи, когда в тексте перевода отсутствует точная передача семантики и структуры оригинала. Так, украинский перевод сегмента *...skupa sa svojim depiliranim vučjakom*, звучащий как *...вкупі зі своїм облізлим псом-жертвою епіляції*, явно не эквивалентен оригиналу: вместо страдательного причастия от глагола «депилировать» употреблено однокоренное существительное, в текст введены два дополнительных слова: *облізлий, жертва*. Но это не произвол переводчика. Отсутствие страдательного причастия объясняется тем, что возможное его образование от глагола *депилювати* звучит непривычно для украиноязычного читателя, а дополнение слов помогло переводчику передать насмешку, заложенную в ироничной характеристике собаки, у которой не самая густая шерсть. Поскольку все трансформации моти-

вированы и помогают передать коннотации оригинала, перевод можно назвать адекватным.

В хорватском тексте часто встречается ненормативная лексика, которая характеризует разговорную речь персонажей и служит средством выражения экспрессии. В подавляющем большинстве случаев переводчик использует в качестве соответствий бранные слова, иногда весьма грубые, но всё же не относящиеся к обценной лексике: *туди твою маму, бляха-муха, йоханий бабай, хай йолму грець, чорт забирай*, а некоторую часть ненормативной лексики опускает:

Da je kurva, dala bi mi pičke.

Якби була курва, то дала б мені.

Подобные действия переводчика легко объяснимы: в украинской устной разговорной речи нецензурная лексика слышится часто, но в письменном языке авторы либо вовсе избегают её использовать, либо используют не столь интенсивно, как хорватский писатель. Поскольку бранные слова вполне воспроизводят функцию имеющихся в оригинале матерных слов, можно констатировать, что переводчик достигает адекватности без эквивалентности отдельных сегментов.

Приведённый пример показывает, что между категориями эквивалентности и адекватности иерархические отношения: эквивалентность подчинена адекватности, т. е. уровень эквивалентности зависит от целей коммуникации [Сдобников, Петрова 2008]. В данном случае, стремясь сделать перевод адекватным, переводчик выбирает прагматический уровень эквивалентности.

Прагматическая установка на получателя видна и при передаче фоновой лексики. Например, в одном из предложений оригинала встречается название напитка, широко распространённого в Хорватии, особенно на побережье Адриатического моря:

...fališ mi kao mineralna gemištu.

Украинский читатель вряд ли знает, что «гемішт» — это белое вино, разбавленное минеральной водой, а значит, построенное на нём сравнение ничего не скажет читателю. Но опустить сравнительный оборот нельзя, так как он важен для понимания отношения героя к его любимой, поэтому вполне приемлемым можно считать решение переводчика использовать название другого напитка, хорошо известного украинскому читателю:

...мені тебе бракує... як горілки в «Кривавій Мері».

Уместность такой замены делает перевод адекватным при отсутствии эквивалентности.

Проведенный подобным образом анализ всего украинского перевода хорватского романа показал, что указанные критерии являются надёжным аргументом в оценке качества перевода.

Литература

- Баретич Р. Восьмий повірений. Харків, 2010.
 Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980.
 Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М., 2008.
 Baretić R. Osmi povijerenik. Zagreb, 2003.

Русская загадка как текст

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Загадка, ситуативность, метафора, языковая игра

Summary. The riddle belongs to the class of paremias and is based on the metaphor that is not clarified, and obscures the denotation and may be viewed as situational. An answer of the riddle is unexpected and can not be deduced by logically. The language game plays an important role in the mechanisms of riddle.

Загадка относится к жанру паремий, который характеризуется устойчивостью формы и воспроизводимостью в речи. В описании функций загадок нет единства среди исследователей: ее интерпретируют как когнитивную (В. П. Аникин) или социально-воспитательную (С. Я. Сендерович).

Особенностью, которая объединяет загадки с паремиями, является ситуативность. Композиция загадки как текста роднит этот жанр с анекдотом: загадка является одновременно закономерной и неожиданной для адресата.

Восприятие загадки предполагает проспективный и ретроспективный взгляд на одну и ту же ситуацию. Вначале адресат знакомится с ее описанием, ответ же заставляет адресата ее пересмотреть.

Загадка оформляется как повествовательное предложение или вопрос. Субъект может быть выражен: а) именем или именной группой (*Из ворот в ворота лежит жука золота [солнечный луч]*); б) референциальным нулем (*Ни стук, ни бряк — к окну подошел [солнечный луч]*); в) нулевым местоимением в 1 л. ед. ч., соотносимым с субъектом речи (*Секу, секу — не высеку; рублю, рублю — не вырублю [солнечный луч]*); г) эксплицитным местоимением в 1 л. ед. ч. (*Я у Бога сирота отворяла ворота, людей не пустила, коней напоила [дождевая туча]*); д) бессмысленной комбинацией звуков (*Шел я по тюх-тюхтю, нашел валюх-тюхтю; кабы эта не валюх-тюхтя, так бы съела меня тюх-тюхтя [мужик, топор и медведь]*).

С. Я. Сендерович вслед за Аристотелем настаивает на метафорической природе загадки. Отличие в механизме метафоризации в рамках данного жанра от устойчивой языковой и индивидуальной речевой метафоры в том, что перенос по сходству не проясняет, а затемняет денотат. Если мы пред-

положим, что денотат обладает набором признаков, который организован как поле, загадка обращается не к центральному, а к периферийным качествам.

Второе отличие метафоры в загадке: ее ситуативность. Установление сходства одного из участников, вовлекает процесс метафоризации и другие актанта. *Сидит старик над водой, сам трясет бородой [камыш]*. Сравнение камыша с пожилым человеком влечет за собой наличие бороды. *Старик → борода*.

В загадке работает игровой механизм выбора признака. Особую роль при этом играет отрицание, показывающее, что выбор эксплицитного признака вводит адресата в заблуждение. *Меня одну не едят, а без меня мало едят [соль]*.

Обилие омонимичных загадок с разными отгадками исключает попытки выведения отгадки из логической структуры загадки.

Мету, мету — не вымету; пора придет — сам уйдет [солнечный луч]; Мету, мету — не вымету; несу, несу — не вынесу; пора придет — сам уйдет [тень]; Без рук, без гон под окном стучит, в избу просится [ветер]; Без рук, без ног, а рисовать умеет [мороз].

В загадке с ее непрозрачной и затрудненной на уровне логического вывода отгадкой работает механизм языковой игры, связанной с множественностью смыслов, каламбуром или даже с двусмысленностью (Л. Витгенштейн, В. З. Санников, С. Я. Сендерович).

Игра в загадке затрагивает композиционный уровень текста — неожиданный финал в отгадке, синтаксис — выбор периферийного признака, ситуативность метафоры, создающей эффект падающих костяшек домино, отрицание, текстовую омонимию загадок с различными отгадками.